
Юрий КАРАНИН
ЛУЧНИК
Книга пятая
Часть 1
Под созвездием Волка: рождение Государя

Юрий КАРАНИН

ЛУЧНИК. Книга пятая. Часть 1. Под созвездием Волка. Рождение Государя

«Издательские решения»

КАРАНИН Ю.

ЛУЧНИК. Книга пятая. Часть 1. Под созвездием Волка. Рождение Государя / Ю. КАРАНИН — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984149-0

Мир Белого Волка никогда не живал спокойно, а теперь он может погибнуть, если… Но Государь Строгор занят войной, а «если» — все ближе и реальнее.Книги серии «Лучник»:«Холодное Солнце Драмины»,«Лабиринт»,«В паутине Зеркал»,«Любый мой»,«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ВОЛКА» (в 2-х частях).Дизайн обложки — Сара Ковтун (Познань — Вроцлав, Польша).

ISBN 978-5-44-984149-0

© КАРАНИН Ю.
© Издательские решения

Содержание

КАРАНИН ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ 6
ЛУЧНИК 7
Часть первая 8
РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРЯ 8
Глава первая 9
Страт 9
2 13
3 16
4 18
5 18
6 20
7 22
8 23
Глава вторая 27
Строгор 27
1 27
2 31
3 33
Глава третья 40
Наковальня рыдала 40
1.Наковальня рыдала 40
2. Заговаривается Страт 43
1 43
2 44
3 44
4 45
3.Горячка 45
1 45
2 46
Глава четвертая 48
Отчаянье 48
1. Жуткие сны 48
2.Противостояние 50
3.Небо без звезд 52
1 52
2 52
3 53
Конец ознакомительного фрагмента. 55

ЛУЧНИК. Книга пятая. Часть 1. Под созвездием Волка. Рождение Государя

Юрий КАРАНИН

© Юрий КАРАНИН, 2020

ISBN 978-5-4498-4149-0 (т. 1)
ISBN 978-5-4498-4150-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КАРАНИН ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

ЛУЧНИК

Фантастический роман в 5 книгах
Объем 112 авт. листов

Часть первая

РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРЯ

Глава первая

Страт

1

Наверное, самое прекрасное в жизни время, когда не надо задумываться о завтрашнем дне. Правда, юноша почему-то это время совсем ускользнуло из памяти. Впрочем, и задумываться о том, что надо задумываться, он пока еще не задумывался.

Мир всегда был первозданен, как и он сам.

И реален: стоило открыть глаза, – и мир родился. Родился, понятно, не так, чтобы очень. Начать с того, что маленькая букашка больно укусила левую руку.

То, что рука – левая, оказалось на сегодня первым открытием. Нет, все же, первым открытием было то, что от ночной прохлады тело охватила неприятная дрожь, а солнце радовало только тем, что посылало по воде золоченые дорожки.

Юноша подошел к воде, но она оказалась еще холоднее. Не то, что вечером.

И это не было открытием, хотя и не было понятным.

Вечером он появился. Что-то подсказывало, что так не появляются. Наверное, он выпал, или упал, поскольку не смог удержаться на ногах, – и, уже точно упал на поросший травой песок. Внизу красноватой рябью искрилась вода.

– Озеро, – Снова подсказала память. Лучше бы подсказала, откуда он упал. Но память не подсказывала, – и юноше не оставалось ничего иного, как искать самому. А искать особо и негде. В уходящей вверх горе зияло темное и не гостеприимное отверстие. Возможно, оттуда он и упал, но из темноты исходили настолько жуткие звуки, что юноша, опасливо оглядываясь, спустился к воде.

Вода было теплой, но снова что-то подсказывало, что надо набрать дров, чтобы согреться ночью.

Дров кругом было много, но все так наполнено влагой, что и дровами-то назвать нельзя. И, все же, удалось набрать, как ему казалось, приличную кучу. Правда, наверное, половина сгорит еще до холода, поскольку, – если получится, конечно? – костер можно разжечь только от катящегося на закат солнца. С помощью кристалла… спрятанного в кармане штанов. Это тоже подсказала память. На кристалле от долгого лежания в кармане штанов образовалось много царапин, но он еще способен поймать тепло.

Способен, но юноша долго мучился с кристаллом, ловя в него слабые уже лучи. Трава дымилась, но огня не получалось. И вдруг, когда солнце уже коснулось вершины скалы и уже подступало отчаянье, огонек родился. Слабый и робкий. Да, и его юноша чуть, было, не загасил, торопясь поддержать травинками.

Юноша смог-таки удержать огонь до момента рождения зари, но ветер пригнал холод пришел с первыми лучами солнца.

Но это было вчера. Сейчас костер тоже не помешал бы, но сушняка сейчас, точно, не найти. Наверное, он есть в пещере, но ….

Только сейчас юноша осознал, насколько он был глуп. Ведь, если в пещере кто-то есть, то он мог бы прийти на огонь. Он и сейчас может прийти.

Ох, и трудно себя уговаривать! Страх кнутом гнал отсюда, но по обе стороны от самого берега озера тянулся угрюмый черный лес.

В любом случае, придется дожидаться, когда солнце хотя бы подсушит росу.

Холодно. Юноша опустился на песок, и, обхватив руками колени, сжался в комок. На короткое время это дало возможность немного согреться, но с этого момента началось время задумываться о будущем и… прошлом, которого, кажется, не было.

Ветер гнал веселые солнечные дорожки по водной глади, но неприятно заползал юноше под рубашку.

Юноша нагреб большую кучу песка, чтобы …. Отнюдь, не для того, чтобы сделать новое открытие: песок – ненадежная опора для спины.

От вчерашнего костра остались только угли, да несколько небольших палочек.

Юноша сложил их, как учил отец.

А вчера вечером …. Вчерашний вечер он, в отличие от всего остального, помнит. Помнит вкусные ягоды, костер помнит …. Костер? Костер – это хорошо, но от него остались только жалкие угольки.

Да, вчерашний вечер он помнит. Помнит, как собирал сушняк по всему берегу, как долго пытался разжечь костер с помощью кристалла. Кристалл? Юноша сунул руку в карман, – и озноб только усилился: в кармане кристалла не было. Юноша живо вскочил на ноги и потом долго и упорно бродил по берегу, пока не догадался покопаться в песке, оставшемся от кучки. Конечно же, кристалл был там.

Юноша сунул камень глубже в карман, и… поранил палец металлической пластинкой.

Он вытащил ее из кармана, – и солнце тут же десятком радуг отразилось от блестящей поверхности. Честно говоря, саму пластинку он тоже вспомнил, но зачем она лежит в кармане, и что за слово выбито на ее поверхности, забыл. Как забыл, где он, и как оказался в этом мире. Все забыл.

Нет, если закрыть глаза, то можно вспомнить, что где есть подобные ему. Есть… Лаки.

Юноша снова закрыл глаза, чтобы вспомнить ее, но память закрылась.

Вода уже начала согреваться, – и юноша принялся бродить по воде. Конечно, если вода достает до колена, то ступни начинают неметь от холода, но, все равно, это приятно: ноги начинают медленно погружаться в песок. И вскоре приплывают стайки рыб, – и уже трудно вытерпеть устроенную ими щекотку.

Играл он так, пока не замерз, – да так замерз, что и костер не помешал бы. Но найти удалось только несколько мокрых веточек.

Наверняка, сушняк есть в пещере, но оттуда всю ночь слышались такие жуткие звуки! Юноша, зябко подернув плечами, оглянулся, и, все же, решился.

Только-только встающее солнце осветило и внутренность пещеры. Как и полагал юноша, пол был усыпан корягами и ветками, но отчетливо вспомнились те наводящие ужас звуки, – и юноша с пустыми руками вернулся на берег. Вернее, туда, где и ветер был не так противен, и над песком нависали ветки с красными сладкими ягодами. Еще вчера эти ягоды были незрелыми, а сегодня вся зелень берега была в красной сыпи.

Ягоды над песком как-то разом закончились, – потому и пришлось подняться на ноги и, поеживаясь от росы, шагнуть в траву.

Он увлекся, – и уже не обращал внимания ни на росу, ни на траву, пребольно обжигающую ноги.

Того страшного Зверя он увидел прежде, чем услышал урчание. Но, все равно, не смог удержать свой рвавшийся наружу вопль. Убежать он не смог, поскольку ноги так и приросли к месту. А потому и …. Вопль вырвался на волю. Зверь удивленно глянул на юношу, потом попятился назад ….

И вдруг, к удивлению юноши, круто развернулся и с ревом бросился наутек.

Юноша тоже помчался сломя голову. Пока не сорвался в песчаную расщелину, раздирая в кровь руки и ноги. Одежду тоже.

Потом оказалось, что на левую ногу трудно ступать, но страх гнал юношу, как можно дальше от того места.

«У страха глаза велики». Так, бывало, говорили взрослые. Он тоже так говорил, … когда был взрослым.

Юноша сорвался на дно расщелины вместе с осыпью песка, потому и не успел вспомнить ни про то, как был взрослым, ни про… страх. Но страх не заставил себя ждать: где-то рядом повторился ужасный рев, – и юношу буквально вынесло из расщелины. Но уже через пару шагов он упал на землю от боли в левой ноге.

Юноша долго лежал, прислушиваясь к лесу, но вместо рева слышал только один треск, да довольный свист ветра в кронах деревьев. Боль в ноге немного унялась, но не позволила ему выбраться наверх.

На его счастье расщелина вскоре закончилась. Закончилась на берегу небольшой речки, возле мостика.

А далеко за речкой раскинулся… большой город.

Подспудно юноша понимал, что город не сулит ничего хорошего, но и в лес его больше и калачом не заманишь.

Город в памяти тоже обнаружился, только, кажется, он стал намного ниже.

Нет, в город пока нельзя. И, все же, юноша перешел мостик, и рядом с тропой обнаружил небольшую прогнившую, полу-обвалившуюся лачугу.

– Что, братец Заяц, заблудился? Ого, да ты еще и ногу повредил? Ну-ка, ну-ка …. – Человек силком усадил на шаткий табурет и принялся ощупывать больную ногу. – Ну, ничего страшного. Нога не сломана, а вывих мы сейчас поправим. Это нам ведомо. Не так ли? – Он резко с разворотом дернул ногу. Ее – показалось – кольнули чем-то острым, – и боль начала проходить.

Разве мог он предвидеть, ковыляя к лачуге, что здесь кто-то может жить.

Живут, оказывается, – зла не имеют.

– Ну, вот, и ладненько. Посиди немного. – Человек скрылся в лачуге, и тут же вынес длинную тряпку и туго перебинтовал ногу. – Извини, дружок, придется уж потерпеть. Или ты в город торопишься? Не тебя ли там разыскивают? – Человек сыпал вопрос за вопросом, а юноша не успевал ни ответить, ни сообразить.

Да, человек, кажется, и не нуждался в ответах.

Хотя, нет.

– Так, я так и не понял, это тебя в городе разыскивают?

Юноша пожал плечами.

– Ты меня не понимаешь? – Слишком явно огорчился человек.

– Понимаю. – Растерянно ответил юноша, и его прорвало.

Размазывая слезы по лицу, он рассказывал и рассказывал о своих заботах и приключениях. Вернее, об одном всего приключении, – поскольку, не помнил, кто он и откуда.

По мере его исповеди лицо человека много раз менялось от радостного до испуганного.

– Чудные, однако, дела. – Проговорил человек, когда исповедь закончилась. – Так выходит, что людоеда ты встретил. Погоди-ка, Следопыта в гости приглашу. – И он поставил вертикально длинную жердь, на верхнем конце которой тут же весело забилась красная тряпица.

Затем он снова торопливо нырнул в лачугу, – и вскоре вышел оттуда, сконфуженно разводя руками. – Извини, кроме травяного чая мне тебя и угостить нечем. Но чаю-то мы от пуза напьемся. С ягодами будем пить.

– Скоро уже. – Человек приподнял крышку над котелком. – Сейчас, вот, дымком сдобрим. Любишь с дымком-то? Любишь, надеюсь. А кто его с дымком-то не любит? А вот и Следопыт. Имя-то у него иное, но все его только так кличут, – он не обижается. Так, и ты его так зови. Я бы и настоящее сказал, да не помню его. Давненько его не слышал.

«Следопыт», вопреки ожиданиям юноши, появился более чем неслышно:

– Заскучал, никак, Отшиб?

– Заскучал, стало быть. – Радостно подскочил человек. – Совет, однако, требуется. Похоже, парень-то с Людоедом повстречался.

– Может быть, и так? – Выслушав рассказ, потрепал себя за ухо Следопыт. – Убежал, говоришь, Зверюга? Будем надеяться, недалеко убежал.

– Ты что, думаешь, сюда по следам придет? – Заволновался Отшиб, но Следопыт успокоил:

– Его бы по следам найти. Слабое у него теперь сердечко-то. Хочешь прогуляться, дармовым мясом разжиться?

Гостя с собой не взяли: и нога – «не на ходу еще», и «не для молодых глаз зрелище-то будет».

Как и полагал Следопыт, слабым оказалось сердце Людоеда, – и до пещеры не смог добежать, а за «мясом дармовым» дважды пришлось ходить, зато, вечером был «праздник обжорства». И продолжался он еще три дня, но уже не только одним мясом, – большую часть его им удалось удачно продать, – и на эти деньги прикупить даже сладостей.

Праздник – праздником, а душа иного требует, – разобраться во всем, стало быть.

– Тебя как звать-то? – Следопыт мог бы еще долго терпеть, и спросил так, на всякий случай, да внутренне и подивился еще, что с этого и начинать надо было.

А в ответ все то же:

– Не знаю.

– Но те, с кем ты жил, как-то тебя называли?

– Не помню. – Юноша виновато потупил глаза.

– Это, наверное, от испуга? – Догадался, было, Отшиб, но Следопыт возразил:

– Говорить-то он не разучился. У озера-то ты как очутился?

– Я там… жил. – Ответил юноша, но уже сам догадался, что что-то – не так: не мог он жить рядом с тем страшным Зверем. – Я… не помню. – Он уже готов был заплакать, но взрослые на него не сердились, – и он успокоился.

– Одежда у него какая-то не такая. – Следопыт снова принялся за свое ухо. – Во многих местах приходилось бывать, а нигде такой не встречал. Разве что у малаи? – Следопыт – потомственный следопыт. В отличие от Марика, – так, оказалось, зовут Отшиба, он не от суеты из города удалился, а к природе ближе. – Может, в карманах ответ отыщется?

И нашлось. Пластинка металлическая, до блеска отполированная, а не ней только одно слово написано: «Строгор».

– Ты – Строгор?

А в ответ только виновато опущенные глаза.

– Что будем делать? – Спросил Марик, всматриваясь в пластинку.

– У озера надо поискать. Должны же быть у него какие-то вещи? – Предложил Следопыт, но сам и озадачил. – Штормило на днях на озере. Могло какое-либо рисковое суденышко разбить, а парнишку сюда на берег выкинуть. А ну, погоди-ка. – Засуетился Следопыт. – Это что же получается? Нет, не было среди них мореходов.

– Среди кого?

А Следопыту-то казалось, что Марик его не слушает.

– Давай договоримся, пока не узнаю толком, ты мне этого вопроса не задаешь. И никому его не задаешь, а он пусть пока в Рогорте не показывается, – как бы в беду не попал?

– Какую еще беду, признавайся, Следопыт? – Марик вскочил с пня, и, энергично размахивая руками, заходил по поляне.

– Да, сядь ты! – Не выдержал Следопыт. – В глазах рябит от твоего мельтешения.

Марик послушно сел, но тут же вскочил.

– Да, сядь ты, говорю. Я бы тебе давно сказал. Так, ты же бросишься все дальше выяснять.

– Истиной клянусь, не начну. – Но глаза Марика уже загорелись от любопытства.

– Ладно. Уговорил. Но помни, ты поклялся. Впрочем, ты же еще и историк, так что для тебя, всего скорее, это и не ново.

Он допил кружку травяного чая, собираясь с мыслями, затем интенсивно потер правой ладонью виски.

– Может статься, что и зря я волну погнал. Народ этот и не планировал на том берегу оседать. Может быть, давно уже в другие земли подался. Места-то на том берегу плохие, не лишку плодородные, – трудно там выжить.

– Ты в этот уверен?

– Что места плохие? – Удивленно поднял брови Следопыт.

– Нет, что оседать не собирались.

– Ну, я с ними особо и не общался, – говорили, в основном, о полезных ископаемых, а больше о кристаллах, коих немало там встречалось. Не знаю, почему они им приглянулись: красоты в них нет никакой даже после огранки, но это их дело. Но, если и цену тем камням нашли, то, думаю, все давно уже собрали.

– Осколки кристаллической решетки Альфа-звезд – основа силовой спирали энергетического канала Построителей Зеркал.

– Он что такое сказал? – Наморщил лоб Следопыт: юноша-то, похоже, спал давно.

– Что-то про канал какой-то. – Растерялся Марик. – Снится ему, наверное, что-то.

– Может, и снится. Только что-то такое я слышал от тех людей.

– Ага. Получается, оттуда прибыл парень. Как его, Строгором зовут, кажется? Ты когда за озеро-то собираешься?

– Сначала тут побродить надо. Не пешком же по воде он пришел. Утром сходим. Нога у него уже в порядке, кажется? С ним пойду.

– А я?

– А тебе придется к Дроку сходить, о Белом Волке побеседовать.

– Так это …?

– То-то и оно.

Они перенесли юношу в лачугу и вернулись к костру, но разговор больше не клеился.

– Ладно, Пойду я. – Поднялся Следопыт. – Завтра после тумана

зайду.

2

Следопыт пришел, когда туман еще и не собирался сходить.

– Ты чего так рано? – Вышел из лачуги Марик.

– Как-то узнали, что Людоеда не стало. Мы, кажется, не говорили этого? Так ведь? – И, не дожидаясь ответа, сообщил. – Пес со своей стаей туда собирается. Не опоздать бы.

– Чай сейчас согрею.

– Чай я с собой взял. Как там Ст… Строгор?

– Сейчас разбужу.

Но будить не пришлось, – широко потягиваясь, юноша уже выходил из лачуги.

– Не понял. – Озадаченно остановился Следопыт на краю ущелья.

Мостки, по которым проходили на днях, валялись на дне ущелья. Следопыт опустился на корточки и принялся разводить траву руками. Наконец, поднялся и угрожающе изрек:

– Ты еще поплатишься, змееныш. Я тебя предупреждал уже, не ходи супротив.

– Пес? – Догадался Марик.

– Прихвостень его. Смородником кличут. Слышал, небось?

Как не слышать? – едва не пострадал Марик от навета Смородника, – если бы не Дрок, ямой все могло бы закончиться.

– Хотел змееныш ловушку нам устроить, да почва песчаной оказалась. Ничего. Через Черпак пройдем.

– Но это же …. – Испугался Марик.

– А там – через пещеру. – Кивнул головой Следопыт.

– Но …. Согласен. – Вспомнил-таки Марик, что Людоеда больше нет.

Тропа шла не через Черпак, а поверх Черпака – абсолютно круглого озерца в обрамлении деревьев, густо обвитых лианами с зелеными и очень сладкими ягодами.

– Боюсь, загубят эту красоту теперь без «охранника» того, как только узнают про Людоеда. – Вздохнул Следопыт, снова выходя на Звериную тропу.

Он ловко вытащил из мешка за спиной факел. В другой руке уже находилось огниво.

Прежде чем зажечь факел, он насмешливо глянул на Марика:

– Страшновато в гости к Людоеду идти? Говорил же тебе, чтобы к Дроку шел. Ладно, ладно, шучу. Хотя, надо признаться, жутковатое там место. Но вы не по сторонам, а под ноги себе смотрите.

Пещера оказалась довольно короткой, но, похоже, не любил Людоед сквозняков, потому и заложил самое узкое место различным хламом. Следопыт хотел, было, сначала поджечь все это, но затем, сунув факел в руки Марику, потянул за какую-то ветку, – и вся преграда развалилась. Следопыт улыбнулся:

– Так он от облав уходил. Хитрый был Зверюга.

– А с двух сторон? – Спросил Марик.

– То-то и оно. Как сквозь землю исчезал. Охотников, сам понимаешь, много не соберешь. А он, когда у всех внимание уже притуплялось, выскакивал откуда-то и …. – Следопыт опасливо покосился на Строгора. – Кого разрывал на куски, кого в озере топил, кто сам от страху умирал. Последнее время облав уже не устраивали.

– Пес-то сюда со своими зачем идет?

– Драгоценности искать. – Следопыт снова покосился на Строгора.

– Вся гора представляет собой волновой конденсатор монополей в Гиперпространственном диапазоне.

– Что? – Переменился в лице Следопыт.

– Что-о … – Недоуменно переспросил Строгор.

– Ты сейчас сказал, про какой-то кон чего-то и какой-то диа. Тьфу. Язык можно сломать.

– Я так сказал? – Удивился юноша.

– Да. – Подтвердил Марик.

– Понимаете. – Смутился юноша. – Мне отец говорил, что на меня порой находит.

– Ты вспомнил отца? – Обрадовался Марик.

– Я вспомнил, что он так говорил.

Они исползали весь берег, но ни лодки, ни плота, как ни искали, не нашли.

– Его следов и то нигде нет. У воды – понятно, – волны, а на берегу? – Озадаченно сокрушался Следопыт. – Ничего, кроме следов бегства. А сам-то он где? – Завертелся ужом Следопыт.

Строгора нигде не было, кстати, новых его следов тоже.

Марик и Следопыт многозначительно переглянулись.

– Что теперь? – Не на шутку расстроился Марик. – Где его будем искать?

Следопыт оторвал взгляд от песка, – и увидел Строгора. Тот сидел на дереве, и… деловито разглядывал меч.

– Слезай оттуда. – Услышав возглас, Следопыт автоматически сорвал с плеча самострел.

– Впрочем, можешь там оставаться. Только, подай мне аккуратно мою вещь. Сам знаешь, некрасиво брать чужие вещи. – Пес уже подходил к подножию дерева, на коем восседал Строгор.

А юноша, кажется, его не слышал.

– Ты что, глухой? – Пес сердито ударил по стволу обухом топора.

– Это мой меч. – Юноша на мгновение оторвал от меча взгляд, и снова продолжил свое занятие.

– Не заставляй меня портить стрелу, да и тебе от этого будет больно. – Усмехнулся Пес, – и его сопровождающие громко заржали.

А Псу в ответ раздался душераздирающий… рев.

Реакция Следопыта была мгновенной. Но, поймав в прицел цель, он так и не выстрелил.

– Не может этого быть. – В ужасе прошептал Марик.

– Это его подруга. Поскольку она не ушла, значит, где-то поблизости их выводок. – Тоже шепотом пояснил Следопыт.

Повторный рев Подруги прозвучал уже в гигантском броске. Никто из подельников Пса не успел среагировать.

Двоих она придавила, завершая прыжок, еще одному оторвала руку.

Еще трое, бросив оружие, рысью сорвались с места и метнулись в прибрежную болотину.

Уже и Следопыт оцепенел от только что увиденного. Но и этого, оказалось, мало.

Строгор, повесив меч за спину, начал спешно спускаться вниз.

– Не делай этого. Она же разорвет ….– Договорить он не успел.

В это невозможно поверить. Слишком долгую жизнь Следопыт посвятил изучению природы. Дикой, надо сказать, природы. И такого никогда не встречал.

Строгор обнимал подругу Людоеда за шею, – и она довольно поуркивала. А к ним по траве бежали четыре, нет, пять, неуклюжих комочков.

Следопыт сжимал в руках самострел, и, пожалуй, впервые в жизни не знал, что делать. Понять, что происходит, оказалось выше его разума. По словам Строгора, увидев Людоеда, он так испугался, что своим криком напугал Зверя. Почему Строгор напугался Людоеда, если он и Подруга – друзья. И Малыши уже весело крутятся возле ног юноши.

– Они же его съедят. – В ужасе прошептал Марик, – и подруга мгновенно встала в стойку. Слишком знакомую и убедительную.

Юноша что-то отчаянно крикнул и встал перед подругой. Затем растерянно оглянулся. Следопыт видел, что теперь юноша явно напуган.

Противостояние опасно затягивалось, А Следопыт не мог найти решения. Любое движение Подруга могла воспринять, как угрозу, а ее реакция молниеносна.

Решение нашла она. Негромко рыкнув, Подруга, не отвечая больше на ласки Строгора, грациозно пошла в сторону пещеры. Проходя мимо друзей юноши, – на приличном расстоя-

нии, однако, – она издала предупреждающий рык, но положенного в таком случае демонстрационного выпада не последовало.

Нет, перед тем, как скрыться в пещере, Подруга прорычала снова, но это был, всего скорее, прощальный рык.

3

– Откуда у тебя этот меч? Он твой?

– Мой.

И по тону ответа Следопыт рассудил, что так оно и есть. Зато, Марик не понял:

– Почему Пес сказал, что это его меч?

– Пес его давно хотел заиметь. Предлагал очень большие деньги. На эти деньги можно купить двадцать таких мечей, но отец ему отказал. Но Пес сказал, что ему нужен только этот. – Пожал плечами юноша.

– Ты снова вспоминаешь отца. – Марик остановился. – Кто он?

– Я не помню.

Следопыт поверил и этому ответу. Следопыт, но не Марик:

– Почему ты не помнишь отца?

– И не только его. – Юноша был готов заплакать.

– Тебя зовут Строгором?

– Не помню я. – На грани истерики прокричал юноша, горько всхлипнув.

– Оставь его, Отшиб. Он, и в самом деле, не помнит. Может быть, для этого нужно время. А, может, ничего нельзя вспоминать.

– Получается, и нам надо забыть, что здесь случилось?

– И я этому не удивлюсь. Иное меня заботит. Пес, как я понимаю, жив.

– Ты про меч что ли? – Догадался Марик.

– А про что еще? Придет он за мечом.

– Не хочется мне в город. – Вздохнул Марик.

– Он и в городе к вам придет.

– Может, пусть у тебя меч побудет?

– Он и ко мне придет. – Угрюмо проговорил Следопыт. – Я не за себя боюсь.

– Это понятно. – Опаска Следопыта передалась и Марику. – А что делать будем? Меч спрячем?

– Меч спрятать – не велика задача. Сложнее спрятать вас. – Пробурчал Следопыт. – Пес не отступится.

Возвращаться через пещеру они не решились, но и кружным путем вышки к Черпаку. Там-то и произошло повергшее в шок событие. Строгор в разговоре не участвовал, но тревога передалась и ему.

– Прикрыть меч надо. – Пробурчал Следопыт, когда вышли на открытое место, и протянул Строгору тряпицу, кою всегда использовал в качестве скатерти.

Строгор задумчиво посмотрел на тряпицу, и, к вящему удивлению спутников, широко размахнулся и метнул меч в Черпак.

– Зачем ты это сделал? – В один голос вскричали Марик и Следопыт.

– Нет более надежной прятки. – Равнодушно ответил Строгор, и потянулся за ягодами.

– Это не спасает вас от Пса. – Расстроенно проговорил Следопыт.

– Меч не достанется Псу. – Упрямо возразил Строгор.

– Убеди в этом Пса прежде, чем он придет к вам. – Обиделся Следопыт на непонимание.

– Он в этом сам убедился.

Упрямое спокойствие в ответе Строгора вызвало взрыв эмоций у Следопыта:

– Ты хоть слышишь меня?

Но уже в следующее мгновение он сорвал самострел с плеча: прямо к ним спускался Пес с четырьмя подельниками.

– Спокойнее, Следопыт. Мы без оружия.

– Зачем крадешься за нами, Пес? – Следопыт, вопреки миролюбивому тону Пса, так и не опустил самострел.

– Так вышло, Следопыт. Ты же сам видел, что Людоед загнал нас в топь.

– Имеется более короткий путь. – Усмехнулся Следопыт.

– Это ты все пути знаешь, а лично я здесь не бывал с той поры, как Людоед здесь объявился. – Пес, как бы непринужденно, переместился ближе к Строгору.

Но это не ускользнуло от взгляда Следопыта:

– Оно и видно. Снова в пещеру направляешься?

– Ага. Котомку там забыл. – Простецки махнул рукой Пес. – Нужная очень котомка.

– И Людоеда не опасаешься?

– Так говорю же, очень нужная котомка.

– Тогда оно, конечно. – Согласился Следопыт. – Особо-то не рискуй.

– Ну, значит, пошли мы. – Пес нервно сорвал травинку, надкусил, и, сморщив лицо, сплюнул. – Говорю, пошли мы. – Он сделал пару шагов, и мгновенно оказался за спиной Строгора. В его руке молнией мелькнул охотничий нож, который тут же оказался у шеи мальчишки.

– Я пошутил, Следопыт. Мне нужен меч.

– Ты немного опоздал, Пес. Наверное, ты слышал, как я только что воспитывал мальчишку. Это надо же додуматься, выбросить такую вещь в Черпак? Да, на эти деньги можно безбедно не один год жить.

– Стой там, где стоишь, Следопыт. У меня к тебе предложение. Ты, знаю, хороший ныряльщик. Вот ты меч и достанешь. Когда я получу свой меч, я оставлю вас в покое, и неплохо заплачу за твои труды.

– Предложение заманчивое, мне кажется. – Новый повод задуматься Следопыту. – Все бы ничего, но до дна Черпака еще никто не доныривал.

– Донырнешь, если жить захочешь. – Вывернулся откуда-то Смородник.

– Соглашайся, Следопыт, а. – Как бы просительно проговорил Пес.

– Я-то что? – По привычке, потрепал себя за ухо Следопыт. – Я согласен. Но надо бы у него спросить.

– Он тоже согласен. – Ощерился Пес.

Опытен был Следопыт, но и в два следующие дня он не мог осмыслить случившееся. Да и как его осмыслишь, если …?

Что-то мягкое потерлось о левую ногу Пса, и следом мягко ткнулось во вторую ногу. Чтобы оглянуться, ему пришлось ослабить хватку, и уже в следующий миг… от грозного рыка сковало все его мышцы.

Коротко звякнув о камень, и, быстро вращаясь, улетел к Черпаку охотничий нож.

Подобную прыть подельники Пса сегодня уже показывали. Только Пес сначала покрыл штаны позором. Но и Подруга, видимо, оберегая Строгора, запоздало сомкнула челюсти.

Псу, в отличие от подельников, не удалось прыгнуть прямо в воду, – и он съехал вниз, обдирая все, что можно, об колючий кустарник и гальку.

Не больше повезло и Смороднику. Он прыгнул в нависающий над водой колючий куст, и слишком долго не мог выбраться из его «объятий». Наконец, он упал в воду вместе с кустом, но, как выбирался из куста в воде, уже было вне поля зрения.

А Строгор уже признательно обнимал Подругу и ласково приговаривал:

– Спасибо тебе, Лаки. Ты сегодня спасаешь меня второй раз. Я бы мог сказать, что пред тобой в неоплатном долгу, но я всегда помню наш договор не оскорблять ненужными словами нашу дружбу. Поспеши к своим деткам, – как бы не сорвались они вниз с той кручи.

Подруга не заставила себя долго упрашивать, – и через мгновения только шорох ветвей указывал ее стремительный бег.

– Не хотел бы я оказаться на месте Пса. – Покачал головой Следопыт, возвращая за спину самострел. – Теперь и не предполагаю, что от него можно ждать?

4

А пес пропал. Его не видели ни в городе, ни в окрестных деревнях, – и это не прибавляло спокойствия Следопыту.

Смородника он прихватил на торжище, когда тот вытаскивал чужой кошель.

Смородник влип крепко, – и оттого изо всех сил выторговывал свободу, а то – и жизнь. – Этот меч, я думаю, не Пса. Пса нанял в лавке Часовщика странный человек. – Смородник понимал, что Следопыт может не поверить. – Точно, странный. На здешних не похожий совсем. А одет. – Смородник округлил глаза. – Мокрому такого ни в жизнь не сшить. Но по-нашему говорит хорошо. Человек-то и пожаловался, что мальчишка у него украл тот меч. Человек мог бы заказать точно такой же меч, – не в деньгах дело, – поверь, меч этот – семейная реликвия. Пропажа меча, – сказал, – предвестник гибели рода.

Можно было бы и поверить, только слишком много не складывалось. Взять хотя бы то, что никто не мог знать, что именно в то время Строгор с друзьями к озеру отправятся. Но не Смороднику же об этом напоминать, и Следопыт всего лишь оборвал того на полуслове:

– Где я могу найти того человека?

– В городе я его давненько не видел. К себе, может быть, уехал? – Смородник, похоже, не врал.

– За озеро?

– Нет, Пес однажды проговорился, что Человек приехал с самого севера. Правду говорю. Только раз Пес и проговорился.

– Сам-то Пес где?

Как ни выкручивался Смородник, но, если Пес узнает ….

– Я же тебе обещал. – Похлопал его по плечу Следопыт. – Если не будет в твоих словах лжи, Пес про наш разговор не узнает.

– К тому человеку Пес поехал. За лодкой подводной. – Обреченно выпалил Смородник.

5

Больше ничего полезного от Смородника Следопыт не добился. Но самое важное все-таки узнал. Пользы, правда, от этих знаний никакой. Не то, чтобы до дна, до середины глубины редко, кто добирался.

– Нет там меча. – Раздался из полумрака хижины возглас Строгора, когда Следопыт закончил короткий пересказ его разговора со Смородником.

– Ты уверен? – Вопрос-то Следопыт задал, но и сам уже догадывался, каким будет ответ.

– Он в надежном месте, будьте уверены. И за нас больше не бойтесь.

– Ты слишком самоуверен. – Сказал в полумрак Следопыт. – У Пса много бойцов с самострелами. Твоей подруге с ними не справиться.

– Почему, подруге? – Юноша торопливо вышел на свет. – Я не стал бы ее подставлять.

И Следопыту сделалось слишком неловко после последних слов юноши.

Слишком много противоречий скопилось в голове Следопыта за последнюю пару-тройку часов. А как не накопиться, если и понятие часы – противоречие. Следопыт, разумеется, побывал в лавке Часовщика. Не за часами, понятно. Часы, как таковые, в лесу – вещи ненужные, но настойчивость Часовщика едва не вынудила Следопыта купить «классный хронометр». Если бы не навыки следопыта. Нет, Часовщик обиделся на замечание, что часы показывают разное время, но слишком уж популярен Следопыт, чтобы с ним ссориться.

– Был здесь Пес, и человек тот был. – Обиженно подтвердил Часовщик. – Он тоже упрекнул меня, что часы разное время показывают.

– Пес? – Удивился Следопыт.

– Щеголь. – Еще больше обиделся Часовщик.

– Щеголь? – Не понял Следопыт.

– Точно! – Подтвердил польщенный Часовщик. – Одет, как франт какой-то.

– Франт? – Не понял Следопыт новое слово, но после вопроса смутился: Часовщик сей появился в Рогорте тоже слишком загадочно. И не менее загадочно жил. Редко, кто покупал его часы, но другого товара в лавке не было. Тем не менее, он жил на широкую ногу, ни в чем себе не отказывал, в девицах легкого поведения, кстати, тоже. Но, когда один за другим разорялись его соседи, Часовщик становился все более и более уверенным.

– Ну, не франт. – Часовщик нисколечко не смутился. – Это я погорячился. Если бы я имел такие одежды? – И Следопыт был вынужден выслушать пространную речь о манерах одеваться.

– Это точно, что тот человек разговаривал здесь с Псом?

– Если бы этот вопрос задал не Следопыт, я бы обиделся. – Жеманно сделал кислую мину Часовщик. – О пунктуальности часовщиков во всем Мире ходят легенды.

– Прошу простить необразованного деревенщину. – Следопыт при этих словах демонстративно развел руки. – По вашему мнению, кто этот человек?

Удар был нанесен точно в цель. Часовщик был настолько польщен, что не заметил скептической усмешки собеседника.

– Я думаю, он – с другой планеты.

То же самое Следопыт слышал про Белого Волка, вернее, про его племя. Это именно они поселились за озером. Но они не слишком отличаются от местных.

– Он – из Волков?

А вопрос-то заставил побледнеть Часовщика. Он мгновенно наклонился к уху Следопыта и зашептал:

– Я могу и ошибаться, но, по-моему, он и волки – враги. Но этого я не говорил.

И уже вслух добавил:

– Все может быть. Видывать мне их приходилось, но они никогда не заходили за часами.

Испуг Часовщика стал понятен, когда Следопыт увидел, как от окна лавки отшатнулась невзрачная фигура.

И вот новое потрясение.

– Ты же сам бросил меч на дно Черпака. Или ты хочешь сказать, что нырнул и поднял его?

– Я мог бы это сделать, но оно не понадобилось.

Следопыт преодолел смятение – и спросил:

– Надеюсь, он – не в хижине?

– Нет, от того, кто гоняется за мечом, в хижине меч не спрячешь.

И, предвидя новый вопрос, юноша добавил:

– Его можно спрятать только в одном месте. Лаки сделала это.

– Лаки? – Следопыт теперь был вполне уверен, что юноша – ненормальный. – Ты сказал, Лаки?

– Наверное, я зря сказал? – Расстроился Строгор.

– Понимаю, лучше, когда о тайне не знает никто. – Медленно проговорил Следопыт, поглядывая в маленькое окошко. – Но можешь быть уверенным, что тайна умрет вместе с нами.

– Лаки …. – Начал, было, юноша, но Следопыт жестом руки остановил его:

– Я рад, если меч хорошо спрятан. Но пусть тайна останется тайной. Я, пожалуй, поспешил заявить, что тайна умрет вместе с нами. Есть немало способов выудить тайну и без физической боли.

– Я это знаю. – Прошептал юноша.

На следующий день Следопыт повторил свой рассказ о своих открытиях.

… – Ты же сам бросил меч на дно Черпака. Или хочешь сказать, что нырнул и достал его?

– Нет, но его нельзя достать с помощью глубоководного аппарата.

Следопыт внимательно посмотрел на Строгора и… удовлетворился ответом.

6

Удовлетворения ответом хватило Следопыту до главной дороги. Если и любит он разгадывать различные тайны, то, отнюдь, не такие, ответ на которые рождает новые загадки.

Он нерешительно остановился на перекрестке: в Рогорт идти незачем, домой – бесполезно, не больше пользы – и обратно. С этой развилки есть еще одна стежка-дорожка, – туда бы и надо, – конь Следопыта безо всякой причины пал в конце весны, а купить нового времени как-то все не находилось. И доводов – тоже: абы какого, покупать – не хочется, а более-менее стоящий – дороговат больно. Деньжата-то имеются: следопыт – на государевой службе, – должность доходная, хоть и хлопотная. И, если охота намечается, коня, это – как водится, из государевой конюшни выдадут, да и для иных нужд – не откажут. Но не привык Следопыт в сильно зависимых ходить.

А раз так – то придется.

На торжище Следопыт не пошел: там, хоть и дешевле можно купить, но и деньгу с собой надо иметь, – хотя и на торжище за честное слово сторговаться можно. У Хромого – конюшня знатная, но как-то не сложились с ним отношения. Придется, видимо, через весь город к вольникам топать.

– Никак в городе забыл что-то?

Сильно, получается, задумался Следопыт, коли не заметил шумной ватаги: прямо у дороги Хромый с сыновьями коней упражняли.

– Здорово, …. – Следопыт никак не мог вспомнить имя Хромого.

– Да, ладно, Следопыт. – Протянул руку Хромый. – Тебя, вон, тоже по имени не зовут.

– И все-таки?

– Как и тебя, Сальером в детстве кликали. Отцы-то наши дружкались, как помнится, – одним днем родили, одним именем нас и назвали.

– А и верно. – Вспомнил Следопыт, крепко пожимая протянутую руку.

– Куда, спрашиваю, ноги направил? – Спросил Сальер, протягивая ему кружку с вином.

– Конь у меня пал. – Смутился Следопыт.

– Никак, к вольникам направился?

– К ним. – Признался Следопыт, но тут же нашел оправдание:

– У тебя – кони знатные, – могу и не потянуть.

– Обижаешь, сосед. Тебе не дороже вольников продам. Они-то цену на днях подняли. Кто-то половину их выгульного стада увел. К нам тоже, было, наведывались, да нам-то отстоять удалось. Что дальше ожидать, не ведаю. Эх, что в мире творится? – Вздохнул Хромый.

Коня у Хромого Следопыт купил справного.

– Для себя растил, – Потерянно повздыхал Хромый и… сказал такое, от чего мурашки пошли по телу Следопыта. – Приснилось мне ночью, что за этим конем ты придешь сегодня.

А и отказаться нельзя.

Расстроился Следопыт, – да, так расстроился, что ДОМА и стреножить коня забыл.

А конь-то, что еще чудней, от дома так и не ушел.

Следующим утром Следопыт рассчитался С Хромым сполна, и, … новое диво, – конь-то сам, без понукания, вышел на дорогу и резво потрусил в сторону озера.

«ЧуднО», – снова и снова удивлялся Строгор, увидев, как конь ловко обходит нехожие места.

И снова «чуднО», – это – когда конь свернул влево и немного назад, да и пошел кружным путем.

С водой-то Следопыт всегда «в других» был, но и сам сегодня туда метил.

Честно говоря, и кружной путь – тоже не подарок, – трава – коню под брюхо подходит, – это на дороге-то. Но, все одно, надежнее, чем по берегу. Места вдоль берега, можно сказать, совсем нехожие. Жутковатые, – как и само озеро. И дело совсем не в Людоеде. И даже не в топи зловонной. По левую-то руку места – сердце восторгом заходится, но ни одного намека, что кто-то здесь обосноваться пробовал. Рогост, вон, на скудной земле стоит, а ….

«Вот, куда дума завести-то может!», – осуждающе покачал головой Следопыт, – не его это дело.

«Завела, однако». Озноб-то не от нее, надо полагать, и родился, но Следопыт невольно поежился. Или от нее?

Малаи здесь тоже не осели, но это иным объясниться может. На подъем они шибко легки, ветер вольный им люб.

Впрочем, Следопыт, тоже к оседлому образу жизни мало сподоблен, хотя …. Была у него когда-то семья, – и неплохо жили, – пока сын не пропал в Черпаке. Тогда-то и увидел Пес, как умеет нырять Следопыт. Нырял-то глубоко, да тело сына так и не нашлось. Тогда все и обрушилось: он дома наездами появлялся, а жена заявила, что сын жив, собрала узелок и ушла его искать. Появлялась ли она дома, Следопыт не знает. В доме чисто, но всегда ли это – дело рук ее сестры, так и остается загадкой. Сейчас бы ростом со Строгора был сын, острая заноза раз-другой так больно кольнула сердце, что и дыхание сорвалось. Хоть обратно возвращайся, но и такое никогда не было в привычках Следопыта.

«Хватит тебе жить, как перекати-поле. Пора корнями обрастать».

Это недавно Отшиб сказал. Если бы кто-то другой, обиделся бы. А на Отшиба – нет. Тот тоже один-одинехонек, но там иная история. Горькая слишком. Оттого, наверное, при появлении Строгора Отшиб и оттаял чуток. Оттаял, и не мучил себя неразрешимыми вопросами. И уютней как-то в его хижине стало. Не то, что …. И снова Следопыт Строгора с сыном сравнил.

Ох! И ладно выдрессировал коня Хромый. Едва только начал Следопыт осматриваться, как вынес его конь на взгорок и… остановился.

Честно говоря, Следопыту после этого еще «неуютнее» стало. Так выходило, что он всю свою жизнь тем и занимался, что выискивал незнаемое. В природе поначалу, в поле, в лесу, в воде …. И Следопыт – это признание его опыта. Потом – в людях. Но появился Строгор, – и все его знания оказались слишком мелкими.

Вот, и не пришлось коня понукать. Как сам остановился, так и тронулся. Как …. С конем более-менее понятно, но …. Только сейчас Следопыт понял, что подспудно тревожило его все это время. Подруга, или как называл ее Строгор, Лаки. Все, начиная от ее появления, и ….

Следопыт, как ни старался, никак не мог вспомнить какую-то связь ее с утопленным мечом. Но была эта связь, была.

Конь бодро трусил уже вдоль берега, пока путь не перегородила бескрайняя топь. И вновь он удивил Следопыта. Два варианта у них было: в объезд направиться, либо проход искать. Впрочем, и тот, и другой одно направление предполагали, а конь к берегу повернул. Прав конь оказался. Пришлось, правда, несколько раз вплавь пускаться, но до наступления темноты сумели-таки на твердое место выйти. А там и ….

Конь почему-то не шарахнулся, когда узду ухватила сильная… женская рука.

– Давненько гостей с той стороны не было. – Доброй казалась улыбка женщины, но не зря Следопыт напрягся. – Чаше всего шпионы приходят. Некому бывает по этой дороге возвращаться.

Следопыт привычным движением стряхнул с плеча самострел и протянул его женщине:

– Не понял я, ждут здесь гостей, или нет?

– Ты кто такой, любопытный, будешь? – В отличие от первой, выговор другой слишком отличался, – так что Следопыт едва понял его.

– Боюсь, если я назову свое имя, мне не дадут договорить. – Отшутился Следопыт.

– Говори! – Убрав улыбку, приказала первая, не отпуская узду.

– Большинство меня Следопытом кличут.

То, как многозначительно переглянулись женщины, подтверждало его слова.

– Жену твою не Ле…? – Первая на полуслове оборвала вопрос и спросила другое. – Как твою жену зовут?

– Ленарис. – И добавил. – Ушла она из дома.

Новый быстрый перегляд женщин, – и Следопыт почувствовал, как начала угасать напряженность в их взглядах.

– Один он ехал.

Следопыт оглянулся. Еще две женщины выходили из озера. По его следу. А он-то ничего и не слышал.

7

Следопыт, не ожидая команды, спешился, – и женщина отпустила узду.

– А вы откуда?

Следопыт не успел и рта открыть, как увидел, что вопрос назначен не ему, – трое босоногих пацанов понуро переминались с ноги на ногу на песке.

– Сколько раз вам надо говорить, чтоб не ходили за нами на обходе? А если выскочит большой отряд?

Но на этом выговор и закончился. Пацаны осмелели, и, поочередно перебираясь к коню, принялись сначала нерешительно дотрагиваться до нервно вздрагивающих ног, а потом поглаживать их.

Следопыт подхватил старшего пацана, – и посадил на коня. Но, если у него восхищенно заблестели глаза, то остальные моментально были готовы заплакать.

Следопыт вопросительно глянул на женщину, – и она утвердительно кивнула:

– У нас к коню приучаются раньше, чем начитают говорить.

Наверное, так и есть: мальчишки довольно вольготно чувствовали себя на коне, хотя он-то сразу же начал беспокоиться.

– На днях купили наши небольшой табун сеголеток, – так, они и ночевать с ними готовы. – Весело рассмеялась другая женщина, но сама же и приструнила ребятишек:

– Успокойтесь вы там, – а иначе, пешком пойдете.

Окрик подействовал ненадолго, но вскоре один мальчишка излишне расшалился и соскользнул с коня. Но тут же протянул руки, чтобы его подсадили обратно. Следопыт и испугаться за малыша не успел.

А, успокоив сердце, решился спросить:

– Ленарис мою откуда знаете?

– Нет, Кайорис, не следопыт он. – Оглушительно рассмеялась шедшая слева-сзади. – Придется правды добиваться, пока в деревню не пришли.

Невольно вздрогнул Следопыт, но поздновато сообразил, что смеялись все «конвоиры».

– Никак, забыл, откуда жену брал? – Отсмеявшись, спросила более бойкая.

– Забыл. – Признался, слегка сконфузившись, Следопыт.

– Наша она. – Уже серьезно напомнила Кайорис, и затем дополнила:

– Понимаю, что на нас она не совсем похожа. – И, коротко вздохнув, посмотрела Следопыту в глаза. – Но она – более Белый Волк, чем я.

– Она у вас?

– Ушла она от нас. В дальнюю деревню ушла. Там вашего сына видели. Ладно. Разговоры потом. Поспешать надо, пока солнце не село.

А малыши у Следопыта остались, так что пришлось ему на круп коня примоститься.

Не понял Следопыт, что с ним произошло. Больно ударила по глазам кровавая вспышка, – и мир померк.

Остались от него только испуганные крики, которые то стихали, то усиливались, то приближались, то удалялись.

8

Следопыт пробовал открыть глаза, но в лицо бил ослепительный свет.

– Райдон, куда ты утащил навес? Видишь, солнце мешает дяде.

– Он же спит. – Ответил детский голосок, но свет тут же перестал бить в глаза.

– Как чувствуешь себя, Следопыт?

Он мог бы и не открывать глаз, – возле него стояла Кайорис.

– Как обухом ударили.

– Копытом. – Поправила Кайорис. – Падая, ты угодил под копыто своего коня. Хорошо, что не наступил, а только откинул твою голову. Не знаю, какие боги тебя берегут, но на твое счастье Геликат к нам приехал. Нам только молиться оставалось.

– П-почему я упал?

– Понять не можем. Откуда здесь птица та взялась?

Не случайно имя Геликата произносили, как имя какого-то божества. Следопыт быстро шел на поправку. Сначала кровавый свет покинул глаза, следом начало стихать головокружение.

Следопыт представлял доктора седовласым мужчиной, а он оказался неоправданно молодым человеком.

– На пару дней отдаю тебя в руки Кайорис. – Весело сказал доктор, когда Следопыт открыл глаза. – В целом, дела идут хорошо, но вставать вам еще рано. Знаю и понимаю. Мне уже сообщили. Потерпите еще хотя бы пару дней. Кстати, сегодня сюда приедет ваша жена. – Несмотря на молодость доктора, теперь Следопыт чувствовал себя безусым юнцом.

В тот день жена так и не приехала. Вместо нее в доме появился Мастер Дорат. Ради этой встречи Следопыт и ехал сюда. Правда, встреча произошла не так, как планировал Следопыт. Совсем не так.

И не таким Следопыт ожидал увидеть отца юноши. Слишком старым оказался Мастер для отца.

– А он, – ты прав, – не сын мне. Точнее, не родной сын. – Перевела Кайорис. – Нет-нет. – Замахал руками Дорат, заметив, как начало меняться лицо Следопыта. – Он мне больше, чем сын. Своих детей, к сожалению, у нас не получилось. И мы были вне себя от счастья, когда нашли в горах потерявшегося мальчика.

– Когда это случилось? – Хрипло спросил Следопыт, а сам уже почувствовал, что сердце готово взорваться.

– Девять лет назад. Вот он каким был. – Дорат вытащил из кармана пачку картинок, одну подал Следопыту.

Теперь уже Кайорис заметалась в поисках воды, увидев, как задрожали руки Следопыта. На картинке был их сын. Сильно истощенный, но легко узнаваемый.

А Мастер Дорат уже протягивал другую картинку. – Это Страт в прошлом году.

– Страт? – Следопыт взял картинку. – Это Строгор.

– Строгор – это главная выдумка Страта. – Лицо Мастера Дората засветилось мечтательной улыбкой. – С самого первого дня появления в моей лаборатории он все время возится с кристаллами. Все грезил создать аппарат для путешествий между звездами и пройти путем предков. Пока не пропал из лаборатории у всех на глазах. Это он?

– Он. – Дрожащим голосом подтвердил Следопыт. – А это. – Он протянул собеседнику первую картинку. – Это – наш сын.

– Он ушел из дома?

– Он утонул. – Следопыт понимал, что говорит несусветное, но не мог солгать.

– Вот, оно что? Когда мы нашли Страта… вашего сына …, он ничего не помнил.

– И Строгор… Страт… тоже ничего не помнил. В карманах мы нашли блестящую металлическую пластинку, на которой было только одно слово.

– Где утонул ваш сын? Не в Черпаке ли?

Следопыт нашел силы только утвердительно кивнуть. Кайорис уже не успевала переводить, и с удивлением заметила, что собеседники обходятся уже без перевода.

– Этот кристалл был в кармане Страта, когда мы его нашли. – Мастер Дорат раскрыл ладонь. – Многие считали Страта не совсем нормальным, когда он разговаривал с животными и птицами, но он без страха подходил к хищникам, – и те становились ручными кошками. Теперь у нас остался от Страта только этот камень. Почему он не взял его с собой?

– У него с собой был меч. – Вспомнил Следопыт.

– Меч? Ох! А я про него почему-то и не вспомнил. Значит, я не напрасно боялся, что больше не увижу Страта.

– Ему грозит опасность? Да, чуть не забыл. Меч пытался отнять Пес. – Начал подниматься Следопыт.

– Надеюсь, пока меч у него, с ним ничего не случится.

– Страт выбросил меч в Черпак. – У Следопыта от попытки подняться и от нарастающего страха закружилась голова, но он продолжал вставать.

– Доктор приказал лежать. – Бросилась к нему Кайорис.

– Он – в опасности. Он – в опасности. – Как заведенный повторял Следопыт, ища одежду.

Но его силой уложили.

– Он знает, что делает. Я не знаю, почему, но этот меч лежал в лаборатории многие годы на виду, но все боялись подходить к нему. А Страт, как только увидел его, сразу же взял его

в руки. Другие сотрудники лаборатории тоже попытались это сделать, но все получили удар молнией. Я – тоже. А потом появился Пес. Не поверите, но молния разорвалась у него под ногами, как только он направился к лаборатории.

– Вы слышали, меч – в Черпаке. – Следопыт замешкался. – Не могу вспомнить, Страт в рассказе о мече упоминал что-то о, – не могу вспомнить имя.

– Лаки?

– Да, о ней.

– Интересная особа. – Проговорил Мастер и задумался.

– Особа? – Не удержался Следопыт, полагая, что тот говорит о человеке.

– Страт мог разговаривать с нею часами, и нам всегда казалось, что эта самка его хорошо понимает. Несколько дней, после того, как Страт пропал, она ходила под окнами лаборатории, затем пропала и она.

– Подождите, через два дня после того, как Страт очнулся на берегу, Лаки защитила его от Пса.

– Сколько он у вас?

– Дней десять, наверное?

– То-то и оно. Сегодня пошел двадцать третий день, как он пропал.

Простите, вы, кажется, сказали, что он пропал у вас на глазах. – Надоело Следопыту лежать, но новая попытка подняться была тут же решительно пресечена.

– Так и было. – Похоже, Мастер Дорат уже свыкся с мыслью, что со Стратом будет все хорошо, но вот увидятся они не скоро. А посему он грустно улыбнулся, вспоминая тот день. – Страт, как обычно, комбинировал кристаллические трубки. В какой-то момент трубка-резонатор упала в несущий цилиндр. Рукой достать его трудно, – и Страт не осмысленно, думаю, снял со стены меч.

Все дальнейшее, поверьте, до сих пор не могу вспоминать без дрожи.

Мастер Дорат торопливо подошел к окну, пытаясь незаметно смахнуть рукавом набежавшую слезу, затем вернулся обратно.

– Понимаете, мы и раньше помещали в резонатор различные металлы, но никогда ничего похожего не было. Как будто сейчас произошло, вижу. Вот, Страт концом меча переворачивает резонатор, и, чтобы перегнать резонатор к стенке цилиндра, вставляет меч глубже. И вдруг …. Никто и представить не мог, что произойдет. Но в лаборатории мгновенно стало совсем темно, хотя только что в окно светило солнце. Непонятно откуда послышался раскат грома, а когда свет вернулся, ни Страта, ни меча в лаборатории не было. Резонатор позже обнаружился под столом метрах в трех от цилиндра. А меч так и не нашли. А потом сколько бы ни опускали резонатор в цилиндр, …. – Мастер Дорат сокрушенно махнул рукой. – Заговорил я тебя и самому не совсем понятной наукой. Про это Страта надо спрашивать.

Их беседу властно прервал Доктор Геликат:

– Голова должна отдыхать, – поэтому все разговоры – на потом.

Ага, отдыхать? Особенно, услышав такое.

– Вас срочно хочет видеть Магистр Астр.

– Зачем? – Недовольно спросил Мастер.

– Не хотел говорить при нем. Его жена пропала.

А стены-то тонковаты ….

– Но я.

– Это еще не все. Сегодня утром была захвачена столица.

– Кем? Снова мятежники?

– Этого я не знаю. Насколько известно, видели там и неев, и инкусу. но это только малая часть. К нам за помощью император пока не обращался, но Магистр Астр считает, что за этим

дело не станет. Ах, чуть не забыл. Вы теперь – Магистр. Горячо поздравляю, хотя считаю, что это надо было сделать много лет назад.

– Мне надо в Рогорт. – Следопыта пошатывало, но он, придерживаясь рукой за стены, вышел наружу.

– Вы почему встали? – Доктор бросился к Следопыту, показавшемуся в дверях.

– Я все слышал. Мне надо быть в Рогорте.

– Вы не доедете.

– Мне надо быть в городе. – Упрямо повторил Следопыт.

– Хорошо. Я не вполне уверен, что получится. Теоретически должно, но ….

– Я готов на все. Мне нужно быть в городе.

Что с ним делали, Следопыт не понял, но боль была адская. Настолько адская, что он потерял сознание.

Очнулся он только, когда солнце скатилось на закат. Доктор дремал рядом, сидя на стуле.

Следопыт пошевелился, – и Доктор сразу открыл усталые глаза.

– Мне нужно быть в Рогорте.

– Я это уже слышал. – Сухо ответил Доктор. – Вставайте, но медленно. Так, Хорошо, Присядьте. Встаньте. Голова кружится?

– Нет, но она, как пьяная.

– Если бы вы не сказали этого, я бы вас не отпустил. – Радостно улыбнулся Доктор. – Так и должно быть. Вскоре это пройдет. Можете считать этот день вторым днем рождения. Еще бы немного промедления, – и опухоль разрушила бы мозг.

– Спасибо, Доктор. Сколько я должен.

– Много. Жить. И уберечь Страта.

Следопыт не стал дожидаться утра. Нетерпение седока передалось и коню, – и он бежал довольно резво.

За топь его проводила Кайорис с двумя подругами. Проводы были недолгими, но Следопыт узнал грустную новость: у Доктора в Рогорте при родах умерла жена.

– А ребенок? – Почему-то не мог не задать Следопыт этот вопрос.

– Его след потерялся. А Доктор больше так и не женится. – И столько в ее словах было печали, что Следопыт не удержался:

– На свадьбу-то позовете?

– Вот еще? – Упрямо вскинула голову Кайорис, но тут же спохватилась. – Прости, я не то сказала.

– Я понял. Кончится война, сам сватом пойду.

– Я – согласна. – Блеснула в глазах ее радость.

Глава вторая

Строгор

1

В Рогорт он приехал утром, когда торжище уже начало жить своей шумной жизнью. И война не чувствовалась здесь совсем.

– Что? Какая война? А? Не бери в голову, – там, в столице, всегда что-то случается. – Отмахнулся, как от назойливой мухи, лавочник-шорник. – Не собираешься своему коню обновку справить? Нет? Ну, если что, заходи, – подберу все в чистом виде. А про войну у Одноглазого спроси, – он только что из столицы вернулся.

Не сказал ничего толкового и Одноглазый, – дней десять назад он из столицы выехал.

Но не пригрезилось же это малаи. Не должно, однако. Живут они, понятно, обособленно, но «нос по ветру держат».

Весь, до последних деталей, вспомнился Следопыту рассказ Кайорис.

Как оказалось, племя Белого Волка давно переросло свои границы, растеклось по вольным землям за озером. А иначе не выжить. Но, сбежав от угрозы разбавления крови, в четвертом поколении наткнулись на новую беду: смертность мужского населения разом выросла до катастрофических величин, да и девочки рождаться стали крайне редко.

Один только запрет и остался – не смешивать кровь со «змееносцами» ни при каких обстоятельствах, – смерть за это полагается.

Следопыт, когда по торжищу пробирался, тайно всматривался в лица людей. Разумеется, каждое лицо отличие имеет, а попробуй догадайся, кто из них «змееносец». Малаи, вон, больше отличий имеют, а Следопыт и не знал, что его Ленарис – малаи, да еще и из клана самого Белого Волка. «Уж не потому ли снова пропала она?», – мысль эта вспыхнула и погасла, но след оставила.

– Не совсем ладно поступил, что к Отшибу не заехал. – Укорил себя Следопыт, но, все равно, сначала в штаб поехал, – там-то, всяко, о войне знают.

– Здорово, Следопыт. – Выкатился из-за стола писарь штаба. – А сказали, что ты за озеро уехал. Какими судьбами?

– Да, вот, услышал, что война началась. – Следопыт сел на деловито освобожденное место.

– Какая там война? Смех один. – Штабной писарь – должность – так себе, но Отан форс держать умеет. – Налетели на рассвете, столицу пожгли, и обратно ушли. Людей, правда много положили – и они, и мы. А ты молодец. Сразу ветеран узнается, не то, что молодежь. Второй день в штабе обретаюсь, а никто еще не показывался.

– Полковник-то у себя?

– Ан, не помнишь? Сегодня же коней для полка подкупают. На бегах он.

Забыл Следопыт. Ох, неладно вышло: знал ведь, а забыл. Хоть он и не великий знаток коней, но полковник его мнения всегда спрашивает.

«Ладно, что приехал.», – немного отлегло от сердца, – «Пока скачки-то идут, успею на беговую приехать».

– Сегодня закупа не будет. – Между тем оповестил Отан. – Сегодня ночью и у Хромого пытались табун увести. Еле отбили, и сын Хромого погиб. И знаешь, кто угоном занимался?

– Ну, у вольников-то – Пес, а сейчас, говорят, нет его в городе. Наверно, подручные его?

– Вернулся Пес. А ты-то откуда знаешь? Ты же уезжал, кажется?

– Малаи и сказали. – Признался Следопыт.

– А не сказали они, что по их заказу коней Пес угнал?

– Заказ на перекуп был.

– Городской Вершак намерен сыск объявить. Чаю будешь? – Писарь пододвинул Следопыту кружку.

– Пустое это. Деньга под расписку отдана. Сам ее видел.

– Ну и что? Заказчик тоже в ответе.

– В расписке перекуп указан.

– Ты уверен?

– Своими глазами видел.

Коль закуп завтра будет, значит, и до Отшиба дело дошло. Следопыт осознанно имя Страта выпускал. Кайорис при расставании еще одной новостью сразила, но ее Следопыт, пока Ленарис не увидит, и Отшибу не откроет.

Но, когда уже по мосту ехал, не до новостей стало: пепелище вместо хибары увидел.

И конь, – слава Хромому, – сразу же в карьер пустился.

Спрыгнул Следопыт на ходу, – и… давай пепелище разгребать. А там и делать особо нечего. Такой засухи давненько не было, – одни мелкие угольки да пепел от хибары остались. Да дверь входная. Дверь-то озноб и вызвала, – подперта она с внешней стороны, основательно подперта.

Помутнело в глазах Следопыта и в голове зашумело, как после удара копытом. Вот так, с незрячими глазами, и побрел он, пошатываясь, словно пьяный.

Очнулся он на берегу Черпака, на том месте, где сын сгинул. Волком выл Следопыт, выворачивая душу наружу. Но ни слезы, кои, наконец-то, прорвались на волю, ни вой дикий не помогали освободиться от непосильного гнета.

Наверное, сиганул бы Следопыт в пучину с камнем на шее. К тому его мысль вела, да показалась на тропе… Лаки в сопровождении пушистых клубков.

А все его существо уже отупело от боли, – и Следопыт безучастно смотрел, как медленно приближается его смерть.

Первыми клубки подбежали, а самый смелый сразу же на колени влез, руку лизать начал.

И Лаки подошла. Подошла и неправдоподобно умными глазами Следопыту в глаза заглянула.

И увидел он в ее глазах то, о чем и мечтать не смел: не бывает такого, – не может человек среди звезд плыть.

Сам собой сорвался стон с губ Следопыта:

– Нет больше твоего друга. Не защитил я его.

Наверное, его боль клубкам передалась, – скатились они с колен, – и по тропинке помчались.

Рыкнула Лаки, но тут же хвостом завиляла.

А клубочки-то …. Не заметил Следопыт, как на ногах оказался. Все-таки может, наверное, человек среди звезд плыть. Если ….

Это много позднее Следопыт укорил себя за то, что решил, что Марик и Страт с небес спускаются. Довольные такие, – кажется, не видывал их такими прежде.

– Наверное, сгорели бы мы заживо, если бы не Лаки. – Улыбается Марик, – знать, перегорел уже в нем весь этот ужас. – Кто бы мог подумать, что Зверь в огонь кинется. А она с начала хибару развалила, а потом меня за ворот вытащила.

– А Страт?

– Кто?

– Его приемный отец Стратом назвал.– Следопыт понимал, что озадачивает друга все новыми и новыми загадками, но пока не был готов к длительным объяснениям.

Понял это Марик:

– Страта первым ударом выбросило. Сам понимаешь, хибарка на честном слове держалась. Он в это время пытался доски с обратной стороны выбить. А в это время мощный удар последовал. Хибарка сразу на куски рассыпалась. А меня крышей придавило. Хорошо еще, стол рядом со мной оказался, – он на себя весь удар и принял. Я растерялся, ничего не вижу и ничего понять не могу. Лицо руками закрыл, чтобы отдышаться. Вдруг чувствую, что-то меня за ворот тянет. Думал, Строгор, а оказалось, Лаки.

– Где теперь жить собираетесь? Может, ко мне перейдете?

– Утром здесь Трубач был. У него в деревне дом, все равно, пустует, – туда зовет. Согласились мы. А ты-то что выездил? Почему тот отец у Строгора приемный? А мать где?

Вопросы-вопросы. Но ответы рождают вал новых вопросов.

– Ты понял, как Страт здесь оказался?

– Откуда я понять-то могу? Разве, что?

– То-то и оно. Там он так же появился.

– Как появился? – Заволновался Марик. – Разве он не там родился? Кто его родители? Имею в виду настоящих.

– Ты думаешь, когда человек гуляет, где – неведомо, кто-то может проследить его путь? – Следопыт, все же, решился на откровенность, поскольку Страту стало скучно, – и он ушел к реке. – Была бы здесь Ленарис, можно было бы за ниточку ухватиться.

– Ленарис? Трубач сказывал, что ее схватили и сопроводили в тюрьму.

– Когда? За что? – Вскочил с пенька Следопыт.

– Трубач сказал, в каких-то бумагах рылась. Трубач должен скоро прийти, у него и спросишь.

Но первым появился не Трубач, а белый, как мел, Страт.

– Там …. Там …. – Дыхание Страта часто срывалось, – и вместо слов он испуганно показывал рукой назад.

И самострел, только что покоящийся у пенька, тут же оказался в руках Следопыта.

– Кто там? – Выкрикнул Марик.

– Там. – Наконец-то, совладал с собой Строгор. – Там на дереве Пес висит.

Марик бросился к реке, но Следопыт его решительно остановил:

– Нет, там не должно быть наших следов.

– Почему? – Растерялся Марик.

– Следопыт прав, – нельзя, чтобы там появились ваши следы. – Раздался возглас Трубача, выезжающего из-за куста. – Здравствуй, Следопыт.

– Он сам повесился?

– Да, как сказать? – Замялся Трубач. – Устал, поговаривают, человек жить, – кому теперь интересно, как удалился. Следы-то только его остались.

Справным оказался у сотника дом в деревне.

– Почто от такого раздолья в город подался? – Покачал головой Следопыт.

– Сам знаешь, в городе моя сотня-то. Воли такой там, понимаешь, нет, но дом – один к одному. Один мастер делал. А почему дом не продаю, ты сам заметил. Когда-то придется от дел отойти.

– А плата какова?

– Одна плата – дом в порядке содержать. Ну и чтоб детишки дому дремать не давали. – Трубач игриво подтолкнул плечом задумавшегося Страта.

А Страт об ином заговорил:

– Боялся кого-то Пес, потому и повесился.

– Я и говорю, жить устал. – Подхватил разговор Трубач. – Многим людям он насолил. Хромый и тот пообещал за сына отомстить.

– Нет, иной у него страх. – Уверенно возразил Страт.

– А ты-то откуда …. – Начал, было Трубач, но, глянув на лицо Страта, осекся. – И верно, вернулся Пес сам не свой. На Смородника так обиделся, что два передних зуба выбил.

– Отказался Смородник табун Хромого угонять. – Снова удивил Страт – и не только Трубача.

– Не было же его в городе. – Недоуменно проговорил Трубач.

– Пес еще позавчера вернулся. – Сказал Следопыт.

– Я о парне говорил. – И Трубач озадаченно стянул со своей головы подшлемник. – Смородник только мне одному признался. Откуда парень это знает?

– Он много знает того, чего не надо. – Вполголоса пробурчал Следопыт.

– Ленарис очень плохо. Она может умереть. – Вдруг схватился за горло Страт.

Трубач, не говоря ни слова, прямо с крыльца вскочил на своего коня. У Следопыта так не получилось, но он догнал сотника уже у ворот.

Сотник и Следопыт успели вовремя. Дверь в камеру была открыта, а за дверью ….

Не только следопытами, но и сотниками по протекции редко становятся, а если и становятся, то приходится бороться за место всю жизнь. Следопыту это не надо доказывать. Что бы ни говорили о Трубаче, лучше сотника Следопыт не знавал. А что Трубачом прозван, так у кого причуд не бывает: как еще в пожарных приохотился он к трубе, так и остался ей верным, – такие рулады каждое утро выводит, – многие с других окраин приходят послушать.

Первого насильника Трубач сшиб одним ударом кулака, но второй успел за кинжал схватиться.

Закружились они по камере: Трубач – без оружия, но кинжал все мимо да мимо проскальзывает.

Следопыт уже самострел с предохранителя снял, но самострел для другого понадобился: очухался-таки первый насильник, с низкого старта в дверь бросился, – тут стрела и пригодилась.

Второго же Трубач тут же ловко подсек ногой, – и тот, выронив кинжал, плашмя рухнул на земляной пол камеры.

– Лежать. – Трубач жестко прижал к полу его шею подкованным сапогом.

Следопыт, следуя за кивком Трубача, выбежал за дверь. Голова еще слабо соображала, но он успел отклониться от нацеленного в грудь клинка. Третий нападающий по инерции влетел в камеру под ноги Трубача.

А, когда Следопыт вбежал в камеру, то первым делом бросился в глаза распавшийся на части табурет. Делать там ему нечего было.

Разумеется, некогда было целиться, – потому и жив еще был первый. Рана оказалась несерьезной, – обидной для воина она была, но так просто стрелу не вытащишь. Оттого и удалось Следопыту догнать его на соседней улице.

А парень-то шустрым оказался: увидев Следопыта, быстренько так заковылял.

– Сам помрешь, или помочь? – Догнал его Следопыт.

– Пощади. – Взмолился парень, упав на колени.

– От тебя это зависит. – Преодолевая ярость, сказал Следопыт, доставая охотничий нож. – Говори.

– Что? – Задрожал парень и, глянув на лицо Следопыта, запричитал. – Не сами мы, нас Пес послал.

– Врешь. – Следопыт демонстративно сделал скользящее движение ножом. – Нет в живых Пса.

– Как это нет? Утром я его до твоего дома проводил.

Та-ак! То-то лицо парня знакомо.

– Ну, не знаю. – Вяло пожал плечами Следопыт. – Час назад залез зачем-то на дерево, да и застыл там.

– Это не я его. – Упал ничком в пыль парень. – Не я его.

– Меня это не интересует. – Следопыт легонько носком сапога приподнял голову парня. – Зачем Ленарис убить хотели?

– Честно говорю, Пес приказал. Сначала Смородника посылал, но тот отказался. Пес ему два зуба выбил, и нас послал.

– Зачем?

– Знает она что-то, что другие знать не должны. – Парень устремил на Следопыта молящий взгляд.

– Что вы должны были сделать?

– Повеситься она была должна.

– А мне показалось, позабавиться вы с ней хотели?

– Это Гнилой так решил. Сказал, чего добру зря пропадать. А она ему головой нос разбила, – он и рассвирепел. Велел сначала веревкой задушить, а потом повесить. Пощади. – Парень сначала бросился целовать сапоги Следопыта, а потом завыл раненным зверем и все норовил заглянуть ему в глаза.

Не нашлось у Следопыта больше сил смотреть в эти полные глупой тоски и ненависти глаза. Увидев, что бегут уже к ним люди, Следопыт отпихнул ногой парня, и, пошатываясь, поспешил в камеру.

2

Гнилого Следопыт узнал по распухшему носу, хотя и другого налетчика нос не на много краше был.

– Жаль, что тебя повесят раньше, чем доберусь до тебя. – Прошептал Гнилому Следопыт, но тот только хмуро усмехнулся.

Все дальнейшее слилось для Следопыта в калейдоскоп из растерянных лиц, и криков, сопровождаемых оглушительным звоном в голове.

Нет, он отчетливо видел, как метнулась к фигуре Гнилого Ленарис – и ногтями вцепилась ему в лицо. И это ….

Поговаривали, что Гнилого побаивался даже Пес. Он был способен убить любого, кто ему чем-то не понравился. И, все же, у Гнилого были такие покровители, что самое большее, что он получал за свои выходки, – суток десять тюрьмы.

От порыва Ленарис растерялись, в первую очередь, стражники. От растерянности они ослабили захват, – и Гнилой рывком освободил свои заведенные за спину руки. Откуда-то в его руке возник нож, но сейчас для него спасение жизни было важнее задания Пса. Левой рукой он обхватил грудь Ленарис, и… нож выскользнул из его руки.

Следопыт, как в тумане, видел, что Гнилой медленно оседает на землю, увлекая за собой и Ленарис. И уже не он, а Хромый выхватывает из рук Гнилого жену.

Следопыт не замечает, что и сам начинает оседать вниз, И его подхватывают также, как Хромый Ленарис.

Следопыт, наконец, вырвался из крепких рук, – и словно от порыва свежего ветра, рассосалась мутная пелена перед глазами.

Первое, что разглядел Следопыт, – так это – богато одетый … – ну, как же, да это же Краст – городской Вершак, узнал Следопыт.

– За самосуд требую арестовать. – Прорываются, наконец, и звуки.

– Это невозможно. – Ну, полковника-то невозможно не узнать ни по фигуре, ни по голосу. – Мертв ваш племянник.

– Я требую арестовать убийцу. – Взвился в истерике Вершак.

– Так я и говорю, мертв он. – Мягко проговорил Полковник.

Следопыт увидел, как у Вершака медленно расширяются глаза. Он понимал, что происходит что-то неординарное, непра….

А посему вовремя увидел, как площадь перед тюрьмой пришла в непонятное движение.

Нет, сама площадь тут же выровнялась, а в движение пришли военные.

И… Вершак еще брызгал слюной, требуя арестовать полковника, но уже городская стража переходила на сторону армии.

– Тебя повесят. – Все еще не понимал происходящего Вершак, но его самого уже мягко оттесняли в направлении тюрьмы.

К вечеру бурлил не только город, но и штаб.

Еще бы! Никогда такого не бывало.

А на полковника было больно смотреть. Но «если бы кто-то заглянул в его душу!». Все там было, не было только радости. Честно говоря, он был настолько мирным человеком, что иногда испытывал угрызение совести, что занимает чужое место. Но его откровенно любили, поскольку был он в силу своей доброты справедлив. Он, признаться, догадывался, что от его имени, хоть и редко, осуществляются смертные казни, – он знал это, поскольку под такими бумагами должна быть его подпись. Он иногда видел эти бумаги, но, откровенно, не помнил, когда их подписывал.

Сегодняшний конфликт – тоже результат его характера. Не стерпел несправедливости. Это-то – в порядке вещей. Но откуда в нем появилась эта смелость, – или безрассудность?

Вершак испокон веков назначается сверху. Его, по закону, можно заменить, но для этого требуется выборный сход. Тут-то все и заканчивается: пока сход готовится, зачинщики либо оказываются в тюрьме, либо пропадают.

Либо умирают. Банда Пса хорошо умела это делать.

Полковник медленно подошел к окну. Его увидели, – и все стали один за другим подниматься, но строиться не начинали.

Что-то будет завтра? В гипотетическом завтра, И в завтра действительном.

Возможно, уже завтра его закуют в оковы, либо повесят.

Полковник отошел от окна, постоял немного посреди комнаты, затем вышел к сотникам.

Окинув помещение, он понял, что и до его выхода разговоров серьезных не было, но подавленное состояние ощущалось во всем.

Все ждали его слов, но что он мог им сказать? Нечего было сказать, нечего. Что подставил их? Этим же оправданием все еще глубже сдвинуть можно. Сказать, что …?

Не все, однако, сотники в штабе.

– А где Трубач?

Все начали многозначительно переглядываться, – и пришлось повторять свой вопрос.

– Свою сотню на учения повел. – Наконец, ответил писарь.

Но теперь уже не переглядывание последовало, а облегченный вздох.

– Та-ак! – Протянул Полковник. – Что все-таки происходит? Где Трубач?

– На Красных Раскопах он. – Тихим голосом ответил Отан.

Полковник пождал-пождал продолжения ответа, не дождался, да и вдарил кулаком по столу писаря.

– Мне что? По очереди в кабинет вас вызывать?

– Да там он учения и проводит.

– Почему там? – Но запоздал ответ, – самому стало ясно, почему. Тому, кто из столицы поедет, Раскопы никак не объехать.

– У нас что? – общее помешательство? – Давненько не бывал таким Полковник: лицо побагровело, «дым из ноздрей пышет». – Я начал – я и отвечу.

– А отвечать-то и не за что. – Сделал хитрющую ухмылку сотник-артиллерист. – Смекнули мы, что Вершаку опасность грозит, – вот, и спрятали его от греха подальше.

– Этим ты МНЕ зубы заговорить можешь. – Возразил Полковник, но, как отметили многие, расслабился-таки. – Сотню Трубача назад вернуть немедленно.

– Никак нельзя, – сегодня ночью столицу совсем пожгли. – Отозвался из своего угла Стольник. – Нарочный и отдыхать не стал: бумагу вручил, – и сразу в обратный путь ускакал. Велено полк в поход собирать.

Сотня Трубача, однако, не на учения ушла, а в заслон.

3

Но как бы без нужды простояла в заслоне сотня. Снова не пошел враг дальше столицы.

И в Рогорте все вернулось в прежнее русло. Вершак «ошибки свои осмыслил, за что и прощенья просит». Полк тоже – не в напряге же вечно держать. Только торжище и напоминало о непростых днях, – не пришли обычные в это время караваны.

Нет, еще одно свидетельство было. Как-то разом пропали с улиц газовые паровые коляски, да и тех, что на дровах работают, редко можно увидеть.

Правда, в деревне и те, и другие – не редкость, а чудо чудное.

И Страт заскучал. Нет, без работы он не остался. Деревня без кузницы – как (разные бывают сравнения). Кузница-то в деревне была, – кузнеца не было, – утонул в омуте бедняга.

Нет, что ни говори, а с кристаллами было интересней возиться, но так получилось, что потерял Следопытов конь подкову. Подкова в кузне нашлась, с гвоздями пришлось Страту повозиться, да и с подковкой тоже. С того и пошло: деревня без кузнеца – ….

И все бы ничего, да ….

В один из вечеров наведался к ним Следопыт. Смурной очень. И Страта для разговора придержал.

Но разговор долго не клеился, – что-то мялся Следопыт с откровением.

И Малик первым не выдержал:

– Не решаешься говорить – не говори.

– Не решаюсь. – Тяжело вздохнул Следопыт. – Ленарис совсем расспросами замаял, – а никак «не склеивается чашка».

– Какая чашка? – Не сразу понял Марик.

– Разбитая. – Снова вздохнул Следопыт. – Я чего долго не появлялся? Снова к малаи ездил. Ездил – да снова ничего не выездил. Может, и не надо было.

Так и просидели весь вечер. И лишь, когда на коня садился, Следопыт выпалил:

– Ленарис призналась, что Страт – не наш сын. Так-то вот.

И ускакал в темноту.

Два дня прошло после той новости. Страт вернулся из кузни уже затемно.

Не то, видимо, он прочел на лице Марика:

– Похоже, я горе всем приношу.

– С чего ты это взял? – Разом откликнулся Марик.

– Места, вижу, себе не находите.

– Не нахожу. – Признался Марик. – И из-за тебя тоже. Но напрасно ты решил, что если сбежишь, мне легче станет. – Марик хотел, было, обнять Страта за плечи, но ростом не вышел. – А, что горя касается, то не нам о нем судить.

– Нам. – Упрямо вскинул голову Страт. – Я, и на самом деле, горе приношу. Почему, не знаю.

Растерялся Марик от его откровения, забыл сказать, что ждут Страта на игрища, богине Рожане посвященные. В городе таковые не устраивают, – церковь не благоволит, потому и немало городской молодежи на игрищах бывает.

Еще об одном не сказал Марик: немало уже девушек по Страту сохнут.

Зато, на следующий вечер отправил Марик Страта «проветриться».

А потом и отправлять не надо было, – сам туда спешил.

И вдруг… поблек что-то Страт: нехотя на игрища идет.

– Не заболел ли, часом?

– Устаю очень. Работы много стало, а ни умения, ни металла не хватает. – Как будто признался Страт, но Марик иное видел: если металла нет, то какая ж тут работа.

– Ребята обижать начали? – Вместо этого спросил Марик.

– Меня? – Удивился Страт.

А и верно: возмужал за лето парень, – накачали ему силушку молотки-молоты.

– Никак, гульбища-хороводы закончились? – Не отстает Марик.

От последнего вопроса Страт, вроде бы, очнулся, но погрустнел еще больше. И Марик благоразумно все расспросы прекратил.

Однако Страт сам разоткровенничался. А причина, как всегда, банальной была: не Страта обижали, а ….

Только, не Марик пошел к Вердлу – отцу Верики. Сам Вердл «случайно» с Мариком на «узенькой тропинке» встретился.

Вердл особо и не таился:

– Ничего против Страта я не имею, – готов хоть сегодня породниться.

– А Верика?

– О ней и речь. Тихоня она, как и твой Страт. Вот, и строят ей каверзы соперницы.

– Какие соперницы? – Не понял Марик, – сам-то в этих делах слабо разбирался.

– А то, и соперницы. Есть тут некоторые, готовые богатством своим женихов к себе приманить. Вчера чуть, было, не побили Верику. Если бы не проезжал Полковник мимо, не знаю, что бы и вышло. Она-то и не призналась, – в себе обиду затаила. Полковник рассказал.

– Понял тебя, Вердл. Сегодня же с ним поговорю.

– Ты его особо-то не строжи. – Смутился Вердл. – Верика, про то, что к тебе пошел, не знает.

– Нравится тебе Верика? – Не научился-таки Марик за свою жизнь ни большой, ни малой дипломатии, – потому и удалился из города.

– Нравится. Очень. – И лицо Страта пунцовыми пятнами пошло. – Она не обращает на меня внимания.

– Вот, и я такой. Не увидел в свое время любви ответной, так и прожил без нее свою жизнь.

– Откуда ты знаешь? – Сначала замешался, но тут же и оживился Страт. – Это …. Да, я ….

Не мог знать Марик, что так получится. Никто не мог знать.

Сезон игрищ подходил к завершению. Скоро, очень скоро и для богатых, и для бедных наступит время заготовок, – не до игрищ будет. И светлое время суток давно на убыль пошло. Да, и дожди стали все чаще под крышу загонять.

Но молодые – они и есть молодые.

***

Ее могли и не заметить, но и не заметить ее не могли. Особенно после того, как она ловко выхватила из хоровода Страта и крепко прижала его к себе.

Ну, один раз – это: много этому имен, но посмеялись бы – и забыли.

А второй раз – это уже вызов.

Так уж повелось, попасть в центральный круг – большое испытание, и туда по своей воле мало, кто рвется. Туда, чаще всего, выталкивают. А оттуда – либо венчан, либо мечен.

А она ….

Городские ее тоже не признали: никто ее там не встречал, говорят.

А она в круг сама снова выпала.

Не успели ее соперницы и переглянуться, как Страт тоже в круге оказался. И не в круге уже, а в ее объятиях.

Не бывало такого прежде: и хоровод распался раньше времени, и костер, через какой прыгать готовились, никак не разгорался.

Не понимал Страт, что с ним происходит, – все из рук валится, а что игрищ касается: сердце туда не слишком рвалось, зато ноги бежать были готовы.

Но не с того новое игрище началось.

Прямо на мосту преградила незнакомке дорогу старейшины деревенского дочка Рклана:

– Ты кто такая, чтобы парней наших уводить?

– Кого ты в виду имеешь? – Не отступила незнакомка.

– Али сама не поняла? – Рклана неуверенно оглянулась назад. Подружки-соперницы толпились у въезда на мост, но на подмогу пока не спешили.

– Что-то не заметила я, чтобы он за твой подол держался. – Дерзко вскинула головку незнакомка.

– Ах, ты. – Вскинула ладонь Рклана, но ударить не успела. Незнакомка перехватила руку, и злобно прошипела:

– Я тебе – не Верика. Этот раз – прощаю, а дальше – не обессудь.

Это все и решило.

Девицы всегда умели плести интриги. Вот и сейчас они «бросили на плаху чести» все свое самолюбие.

Прежде Верика редко в центр выпадала, а, если и выпадала, то в пару – чаще не к Страту.

А сейчас. Рука в руку, глаза – в глаза.

Незнакомка, хоть и догадалась вовремя, но «выпасть» ей помешали. Такое бывало и прежде, когда в центр трое «выпасть» готовились. Но сейчас тесно сомкнулся внутренний круг, – так тесно, что смяли круг двоих, вынудили их тесно прижаться друг к дружке. А, когда круг разошелся, улетучилась, стала ничем и вся их застенчивость.

А незнакомка пропала, как и появилась: не осталось ни имени, ни …. Только ее холодная надменность, казалось, продолжала витать над хороводами.

И, невиданное дело, почему-то смирились девицы пред силой любви Страта и Верики.

А им и неважно было то смирение. А то, что гульбища прекратились, только на руку им. Времени-то больше на двоих достается.

Хоть и не всегда оно есть, это время. Беда в деревне. Кто-то вырезал и обескровил немалую часть скакунов, а остальные по округе разбежались. Потому и не слышался в этот день звон металла из кузни, – всей деревней на поиски отправились.

А когда освободился Страт, то первым делом к Верике на минутку заглянул. А там Вердл с возком замучился, – задняя ось обломилась. Кинулся Страт на помощь, хоть и стонало сердце от неясной тревоги. Но и вдвоем много времени потеряли.

***

Если бы знать? Но не было свидетелей той встречи трех своеобразных человек.

– Слышал, шеф, новость последнюю? – Несколько невзрачный мужчина при этом с усмешкой посмотрел на деву.

– Для этого и собрались. Что за новость?

– Облом у кое-кого вышел. – Поскольку дева никак не отреагировала на его слова, Невзрачный продолжил. – Потеряла она ключики к Строгору.

Последняя фраза, похоже, попала в цель.

«Шеф» давно знал о соперничестве обоих, но попыток их примирить ни разу не предпринимал.

– Все равно, моим он будет. – Злобно прошипела дева.

– Не будет он твоим. – Обиженно усмехнулся Невзрачный. – Не разорвать тебе их любовь.

– А это мы еще посмотрим. – Твердо заявила дева, и презрительно рассмеялась. – Уж не ты ли мне помеху выставил? – И она готова уже была расцарапать ему лицо.

– Там помехи и не понадобится.

Всегда потешно смотреть, как эти двое рвут друг дружку на куски, но сегодня это может помешать его планам.

– Хватит вам собачиться. – Устало проговорил «шеф». – Мне не интересно, как вы это сделаете, но мне нужен доступ к Строгору.

– Страт – не Строгор, шеф. – Несколько просительно промолвила дева. – Страт однозначно – сын Ленарис. Мне удалось добыть их кровь. Совпадение полное.

– Насколько это точно? – «Шеф» в глубокой задумчивости прошелся пару кругов по комнате, затем остановился напротив девы. – Я бы не хотел, чтобы мы ошиблись. Если мы и на этот раз проиграем, нас уже ничто не спасет.

– Их кровь полностью совпала. – Упрямо повторила дева.

– Сын Ленарис утонул в Черпаке. – Слишком уверенно возразил Невзрачный. – Я сам при этом присутствовал.

– Кровь Страта и Ленарис полностью совпала. – В третий раз повторила дева.

И ее взгляд просветлел:

– А вы не пробовали предположить, что именно Строгор и утонул?

– Как это? – Застыл на полпути к деве Невзрачный.

– А так! – Мстила за нанесенную обиду дева. – Доказано же, что поменяли.

– Не совсем доказано. – Еще невзрачнее стал Невзрачный.

– Не понимаю, за что вам деньги плачу. – «Шеф» выбил пальцами правой руки частую дробь. – Мы же договаривались, что с этого начнем.

– Ага. – Добивала Невзрачного дева. – Кое-кто вместо этого хотел Ленарис убрать.

– Не я это. – Казалось, лицо Невзрачного – всегда бесцветно, но сейчас оно красными пятнами начало покрываться.

– Пес к тебе накануне ездил. – Нанесла сокрушительный удар дева.

– Пес не только у меня был. – Предпринял последнюю попытку оправдаться Невзрачный.

– У кого еще? – «Шеф» старательно гасил разгорающуюся в нем ярость.

– В Доме Марены. – Поспешно ответил Невзрачный.

– Это отпадает. – И «шеф» устало махнул рукой.

– И я в этом не уверена. – Вопреки обидам, поддержала Невзрачного дева. – Пес запалил хибару Марика по требованию Морца.

– Марик и Морц никогда не ладили. – Проговорил «шеф», но, взглянув на деву, спросил. – Что-то не так?

– В хибаре в том момент Страт находился.

– Ты тоже с Морцем общалась. – Попытался «всплыть» Невзрачный.

– В точку попал. – Весело рассмеялась дева. – Сожгла, – и принялась любви его добиваться.

– Но ведь не сгорел он. – Еще барахтался Невзрачный.

– Сгорел бы, если бы не та самка.

– Уйметесь вы, наконец, оба? Решено. Морца я сам попытаю. От тебя. – Он обернулся к Невзрачному. – От тебя я жду точных сведений по обмену младенцев. Кто, когда, зачем? Тебе. – Он посмотрел деве в глаза. – Оставь его в покое. Пока. – И уточнил. – Пока не разберемся с этим обменом.

– Поздно потом будет. – Едва ли не с болью выкрикнула дева. – Наступает осень – время свадеб.

– Ты и так опоздала. – Невзрачный уже решил, что ему дозволены уже насмешки.

– Я успею. Дозволь «шеф».

Молчание она расценила, как согласие.

***

Наконец, возок был излажен.

Вердл крепко пожал Страту руку:

– Ты куда шел-то? Не в кузню?

– В кузню. – Замешался Страт. – Ну, и Верику увидеть.

– На Аничковой горе она. С подружками по ягоды ушла. – Робко сообщила с порога дома мать Верики.

– И я о том же сказал. Давненько уже ушли.

Бывали они с Верикой на Аничковой горе. Усыпанье там ягод, да короток срок жизни у них, – всего два-три дня спелые на ветках висят.

Остановился Страт в растерянности: и в кузне дело ждет, и Ве….

А сердце боль уже не просто щемила, а рвала-разрывала на части.

Что-то еще говорил Вердл, а Страт уже к горе бежал.

И чем дальше бежал, тем страшнее боль была.

Не пришлось ему в гору бежать, поскольку от берега девичьи причитания шли.

А там …. Верика еще была жива, но уже никого не узнавала. Страта тоже.

На руках бы донес Страт Верику до дома, но понимал, что только больнее ей сделает.

Две подружки за Вердлом убежали, А Страт упал пред Верикой на колени, и слез своих не стеснялся.

И спросить, что да как, забыл.

Опомнился он только тогда, когда мимо большая черная птица пролетела, и подружек Верики страх обуял.

Едва ли не с кулаками бросился Страт к Рклане:

– Твоих рук дело?

А Рклана сама от страха трясется и по сторонам оглядывается. Тогда и выяснилось, что Верику столкнула с кручи черная птица, что только что мимо пролетела.

Молчала эти дни кузня, и горько выли у окон товарки Верики.

Верика так и не пришла в себя. Но многие слышали ее лихорадочное: «Уходи. Не отдам. Ты хуже, чем смерть».

Умерла Верика через два дня, – и Марик новое пристанище начал подыскивать: не выдержит больше сердце Страта неразделимой боли.

Но не знал он, что нанесут по сердцу юноши еще один удар.

Заканчивался второй день после похорон Верики. И второй день бешеной работы до полуобморочного состояния.

Вышел Страт голову смочить, да водицы испить, а на тропинке незнакомка стоит.

– Здравствуй, ладо. – Весело рассмеялась она, и бросилась к Страту. – Говорят, свободно теперь твое сердечко? Не подаришь ли и мне его частичку?

Ничего зазорного, казалось, не было в ее словах, – и только волна мертвого холода укусила сердце Страта.

А ведь подтверждается подозрение, что не сама Верика упала с кручи, – и Страт резко оттолкнул протянутую ему руку.

– Твоих рук дело?

– Вот, еще! – Ответила незнакомка холодно. – Мне ли заниматься такими мелочами? Слишком неосторожными бывают влюбленные девицы.

– Ты! – Уже уверенно выкрикнул он.

– Не верь этому, ладо. Не могла я поставить между нашей любовью смерть этой недостойной тебя девицы. – Она была убедительна, но он снова оттолкнул ее руку:

– Нет у меня любви к тебе.

– Напрасно, ладо, напрасно. Моя-то любовь – не в пример ее любви.

– Не бывать этому. – Страт не выбирал ни слова, ни тон, и она все поняла:

– А на это еще надо посмотреть. Запомни, ладо, ни одной девице ты больше не сможешь дать счастья.

Она круто развернулась, и медленно пошла по тропинке, то ли ожидая, что он окликнет ее, то ли демонстрируя свою силу.

***

На обязательную встречу дева не пришла.

– Что можешь сказать? – Спросил «шеф» Невзрачного.

– О чем? – Невзрачный неосторожно набивал себе цену.

– Почему она не пришла?

– Трудно сказать. – Тянул время Невзрачный. – К парню она ключики совсем потеряла. Не удивлюсь, если потеряла и голову.

– В философы готовишься? – Пока еще усмехнулся «шеф», но Невзрачный уже понял, что цену набить не удастся. – Говори конкретней.

– Эта дура не нашла ничего иного, как убить Верику.

– Что? – Вскинулся «шеф». – Это шутка?

– Нет, так оно и есть. Ее с кручи столкнула черная птица. Надеюсь, не надо рассказывать, откуда взялась эта птица? Это и Строгору понятно. – Невзрачный неприлично хихикнул.

– Так он все-таки Строгор? Что ты узнал про подмену?

– То время закрыто, а свидетели мертвы, шеф. Но только Строгор мог догадаться, кто стоит за черной птицей.

– Не обязательно. Малаи, как я понял, приняли Страта за своего.

– Потому что он – Строгор. – Теперь-то у Невзрачного были все козыри. – Кроме них здесь некому закрывать время.

– Ты нашел Ленарис?

– Она снова у малаи. Мне ее там не достать. – Невзрачный мимоходом как бы намекнул «шефу», что и тот – туда не ходок.

– Не известно, почему она туда ушла?

– Никто этого не знает. Ни-к-то.

– Хорошо. Допустим, что Страт – это Строгор. Как думаешь, почему он забросил строительство Построителя Зеркал?

– Я этого не знаю. А почему вы уверены, что он создаст нам Гиперпостроитель?

– Больше некому. – Ответ прозвучал более чем глупо, но Невзрачный не решился углубляться в эту тему. – Верь в это, и готовься: тебе предстоит большая работа.

– Что за работа, если не секрет?

– Пока секрет.

«Шеф» привычно отбил дробь костяшками пальцев:

– Как думаешь, она в городе?

– Она – уже отработанный материал, шеф. – Теперь Невзрачному можно и рискнуть завоевать прежние позиции.

– У меня пока, кроме нее и тебя, здесь никого нет. Я тоже немного не рассчитал. Пришлось покрепче прижать Морца, а он слабым оказался. Теперь и в Дом мне путь закрыт. – Пожаловался «шеф».

– Я только с Морцом контактировал. А они видели, что ты Морца придавил?

– Возможно, кто-то и видел. Подожди, я же от имени Вершака представлялся. Точно, только лицо мое видели, когда о встрече договаривались.

– Осторожность никогда не помешает. Но боюсь, Дом нам не поможет.

– Это точно. – Тяжело вздохнул «шеф».

А Невзрачный оживился:

– У меня, шеф, идея появилась.

И это не осталось незамеченным «шефом».

– Что за идея?

– Натравить Дом на Строгора.

– Не поможет. – Не слишком категорично возразил «шеф».

– Еще как поможет! – Разгорался Невзрачный. – Выжмут Строгора к малаи за милую душу.

– А если переборщат?

– Переборщат, если он – не Строгор, а Страт.

– Ты этим займешься?

– Могу и я. – Невзрачному пора было радоваться – Статус Кво восстановлен, пусть и не здешнее это понятие.

Глава третья

Наковальня рыдала

1.Наковальня рыдала

Наковальня била в набат. Наковальня рыдала. И горестно кивали головами собирающиеся кучками мужчины.

– Совсем изведет себя парень. – Начинал, как правило, один.

– Точно, изведет. – Вторил другой. – Где ж это видано, от темна до темна молотом махать?

– Прежде-то, бывало, не один день ждешь, когда до тебя очередь дойдет. – Соглашается третий. – Вчера, вон, крюк заказал, так, он через время уже кричит: «Почто за заказом не идешь?». А самого уже ветром качает, – кожа да кости.

Услышал Вердл разговоры оные, – в кузню наведался.

– Верику уже не вернем, паря. – Вердл с трудом подбирал слова. – Я же так думаю, горе – горем, а не простит нас Верика, если не только помнить, но и жить устанем. Совсем ты себя извел, а ты людям здоровым нужен.

Не то, кажется, сказал Вердл?

– Людям? – Страт бросил молот к наковальне. – К людям? А где были они, когда Верика умирала?

– Те, кто мог, за нее молились. – Тихо так сказал Вердл, но мигом угасла злость Страта:

– Я тоже молюсь. Так, вот, и молюсь. По-иному не умею.

И лицом в стену уткнулся:

– Из-за меня она погибла. ИЗ-ЗА МЕНЯ! И потому нет мне ни прощения, ни покоя.

– За любовь она погибла. – Вердл осторожно тронул его за судорожно вздрагивающее плечо. – Эх, не приучен я красиво говорить. Знаешь, каковы были ее последние слова? «Пусть хоть кого любит, только не эту. А я их любовью любоваться буду». Так-то, вот.

– Она и мне такое шептала. – Страт снова за молотом потянулся. – Но только ей одной моя любовь достанется. Мне работать надо.

***

Уже пятый день Дом встречал его загробным молчанием. Такое бывает только тогда, когда его члены выезжают в столицу, но и в таком случае кто-то же его охраняет. Сейчас же – никого.

И невзрачный помчался к «шефу».

– У них кто в сторожах обычно бывает? – Выслушав помощника, тут же спросил «шеф».

– Савар, но и он ничего не знает. Зато, он вспомнил, что с ними уехала, – знаете, кто?

– Безыменная?

– Она. Для нее специально коляску наняли.

– Савар – не пьяный, случайно?

– Трезв, как стеклышко.

– В столицу уехали?

– Куда-то немного севернее. – Теперь и Невзрачному начало передаваться сомнение «шефа».

– Мне надо сильно подумать. Ты этого Савара еще раз «пощекочи».

А жаль, что «шеф» не высказал свои сомнения. Куда это эта шальная направилась? Севернее-то столицы. Там и дорог нет. Ведь там же …?

Он полагал, что уже разучился бегать, но вернулся обратно, и совсем не запыхался.

– Что-то еще случилось?

– К неям они уехали.

– Это точно? – вскочил с диванчика «шеф».

– Больше некуда. – Нет, дыхание-то сперло-таки после бега.

– Откуда узнал?

– Догадался. – Это, разумеется, не аргумент, но «шеф» должен оценить.

Но «шеф» не оценил:

– Это не обязательно. Безусловно, не обязательно. Для встречи с неями достаточно одного – двух человек. Только, если?

Вот, это «только, если» и перевешивало.

А, если так, то прав, получается, помощник?

– Что-то не так, шеф? Плохи дела?

– Хуже некуда.

– Почему? Вы же в свое время с неями дружили?

– И не только с неями. Но неи сегодня – мелочь. Не в них дело. Ты помнишь, на рынке я встречался с Гдларом Брхаар Рофом?

– Не-ет.

– Ладно. Это неважно. Этот человек предупреждал, что скоро на империю накинутся полчища варваров.

– Теперь вспомнил. Но откуда?

– Из-за моря. Очень своеобразный народ.

«Шеф» надолго ушел в себя, и Невзрачный стал изнывать от неприкаянности.

– А, ты еще здесь?

И Невзрачный вздрогнул от громкого возгласа.

– О чем я говорил?

– О варварах.

– Ах, да! О змеепоклонниках.

– Змееносцах?

– Нет, именно о змеепоклонниках. Истинное варварство: съедать тех, кому поклоняешься, причем, змеи – основная их пища. И едят они их только сырыми.

– Их так много?

– Кого?

– Змей?

– Много. Я видел их змеиные фермы. Жуткое зрелище. Но больше всего змеепоклонники предпочитают змей, выросших в дикой природе. А узнать их можно по двум признакам: змеиным черепам на головах и обезображенным ядом свирепым лицам. И, знаешь, хоть мы и считаемся Бессмертными, но лучше самому покончить с собой, прежде чем они доберутся до тебя.

– А Безыменная?

– Меня это тоже тревожит. Если она так решила отомстить Страту, то она сошла с ума.

– Я тоже так думаю. А мы на чьей стороне будем?

– Я – на своей, как обычно. А так? – «Шеф» неуверенно пожал плечами. – Почему-то, дважды разрушив Шатакканд, они не пошли дальше? – И, без всякой связи со сказанным, добавил. – Ты Трубача, кажется, знаешь? Сообщи ему, на всякий случай, про это?

– Но, шеф?

– Не обо мне, разумеется. Не хочу, чтобы варвары всю планету завоевали.

***

А ведь не ошибся Невзрачный. И теперь уже поздно выискивать, кто – инициатор обращения за партнерством с варварами.

Наверное, варварам уже нечего было делать в Шатакканде, – они пошли дальше.

– Я немного не понимаю, шеф: они, так и, не вышли из лощины.

Ну, Тысячеликого-то это совсем не удивило. Продвижение вдоль русла реки, думается, сильно ограничивало продвижение армии, но татлаты – извечные жители болот. Наверное, из-за этого соседние народы запоздало заметили их возросшую мощь. Но и заметив, не задавили появившуюся угрозу еще в зачатке.

Либо потому, что сами были уже слабы, либо по не обычному поведению татлатов. Они не уводили рабов, не захватывали земли, не угоняли скот. Их интересовали только металлы, все равно, в каком виде: в первую очередь – оружие, но не гнушались забирать ни инструменты, ни кухонную утварь. Деньги, кстати, – тоже металл.

И уж никто не мог и подумать, что, когда начнется их большой поход, то не мечи и самострелы будут их главным оружием, а пушки и еще раз пушки. Различного размера и формы, и различного назначения.

Озадачивало одно обстоятельство: татлаты не знали колеса, но «шеф» и этому нашел логичное объяснение: не нужны на болоте колеса. И кони там бесполезны. Оттого и ползли татлаты по ущелью не на много «быстрее улитки».

Третьего погрома шатаккандцы уже не смогли бы пережить, а потому, опережая татлатов, потянулся на запад бесконечный обоз, что чуть, было, не сбило с толку Следопыта с Трубачом.

На выяснения затратили еще два дня, а, когда выяснили да разглядели с Шаттак-дороги настоящего врага, то поняли, что не суждено им выстоять: ни полком, ни ополчением, ни совместно с основными дружинами. А столичные-то дружины готовы ли к битве? Мало у них пушек, а у полка еще меньше.

Страта вызвали на Совет в середине ночи, когда он только-только смежил глаза на покрытой половиком скамье. После гибели Верики он целые дни проводил в кузне, домой приходил уже затемно, когда сил хватало только лицо да руки ополоснуть, торопливо съесть приготовленную Мариком еду, – и рухнуть, не раздеваясь, на скамью.

Пока ехали до штаба, он дважды упал с коня, заснув на ходу, и в штаб зашел тоже в полусонном состоянии.

В такой же полудреме Страт выслушал вопросы, но, пока сообразил с ответом, забыл, зачем это нужно.

Мало того, так еще и заснул на полуслове.

Про его беду все знали, – и потому решили, было отложить совещание до утра.

Но Следопыт рискнул, – и шепнул Страту на ухо:

– Утром подруга приходила. Показалось мне, что-то про меч спрашивала.

Помогло, но легче от этого не стало.

– Пушки не ковать, а отливать надо. Не хватит для этого кузни. – Категорично заявил Страт. – У малаи есть железоплавильные печи, но и они мало пушек могут выплавить. К тому же, и металла у них мало. Но я могу к ним сходить.

И снова задремал. Его перенесли на скамью, и он сразу же крепко уснул.

2. Заговаривается Страт

1

Из штаба никто не ушел, разошлись по углам – кто куда, да так и задремали.

Следопыт проснулся оттого, что кто-то тянул его за рукав. Он вскочил на ноги, и разглядел в полумраке, что перед ним стоит Страт.

– Мне туда надо.

– К малаи? – Пытался сообразить Следопыт, но Страт помотал головой:

– Нет, к ущелью.

– Зачем?

– Сон чудной приснился, – уточнить хочу.

Полковник уже услышал их разговор, потому и проговорил разочарованно и устало:

– Раз пушки выковать нельзя, то поезжайте. К малаи Трубача пошлю, – бывал он там.

– Страт и Трубача с нами берет. – Развел руками Следопыт.

– Так и ехать не немедленно надо. Надобно все хорошенько обдумать, сам понимаешь?

А Страт повел себя весьма загадочно. Да, и ехал-то он все время с закрытыми глазами, отпустив поводья.

– Упадет же. – Тревожился Следопыт, полагая, что Страт спит, – и держался все время настороже.

– Трубу подзорную не забыли? – Внезапно, не открывая глаз, спросил Страт, и натянул поводья.

– Далековато еще до врага-то, – не увидеть его отсюда и через трубу. – Напомнил Трубач, но Страт уже спешился.

– Мне пока и не надо на него смотреть. Мне тот склон нужен.

– А чего тогда здесь поехали? Не перебраться здесь на ту сторону. Да, по той стороне и ехать лучше было бы. – Заволновался Трубач.

– Склон на той стороне не увидеть, а мне сам склон нужен.

– Это я понял. – Не на шутку расстроился Трубач. – Все равно, там проще по склону спускаться.

А Страт уже извлек из холщовой сумки широкую доску и кулек углей.

– Так, не забыли трубу-то?

– Не забыли. – Следопыт протянул ему длинный цилиндр. – Полковник под мою ответственность свою одолжил.

Страт так долго изучал противоположный склон, что спутники успели заскучать. И ладно было бы, если бы Страт изучал то, что напротив их, так нет же, труба все время направлена вдоль ущелья.

– Ягод что ли поискать? – Проговорил Трубач. – Долго мы еще тут?.

– Не очень. Но ягоды поискать успеете. – Ответил Страт, не отрываясь от трубы.

Ягод они нашли много, но впрок рвать не стали: сами поели, да Страту – кулек.

Когда же вернулись, Страт то сосредоточенно рисовал на доске, то снова за трубу хватался. Доска уже была так исчеркана углем, что и не понять, что там нарисовано.

Трубач вопросительно посмотрел на Следопыта, но и тот только плечами пожал.

2

Отправились они в обратный путь, когда день окончательно установился.

Страт снова ушел в себя, – попробуй вытащить у него хотя бы одно слово! И вдруг он выхватил у Следопыта трубу, и, круто повернув обратно, погнал коня вскачь.

Догнали его уже на прежнем месте.

И… Следопыта едва паралич не хватил: Страт бросил трубу на землю, и, одним движением вытерев рукавом доску, начал лихорадочно что-то рисовать на ней.

Когда они подъехали к нему, и Следопыт уже намеревался отчитать «негодника» за варварское отношение к трубе, Страт поднял счастливое лицо:

– Все-таки я нашел ее.

– Что нашел? – Спросили его спутники в унисон.

– Вход в резонансную полость.

– Что-что? – Не понял Трубач, и повернулся к Следопыту. – Ты понял что-нибудь?

– А как же? Я же Следопыт. – Следопыт шутил, но чувствовал себя нашкодившим малышом. И спросил уже Страта. – А понятней нельзя?

– Понимаете? – Загорячился Страт. – Если ударить по входу подходящим импульсом, то импульс возмутит резонансную щель. А это возмущение спровоцирует землетрясение в океане. Понятно?

– Угу! – Грустно усмехнулся Следопыт. – Сейчас Трубач сбегает к щели. Кстати, где она?

– Вон, под кустами. – Страт показал рукой ровно туда, куда все время и была направлена труба.

– Нет, Трубачу туда не залезть. Мне, кажется, тоже. Шучу, шучу. Ничего мы в этом не поняли. – Вздохнул Следопыт. – Поехали домой. Заждались нас там, наверное.

Он начал упаковывать трубу, но Страт протянул руку:

– Еще раз хочу посмотреть.

На сей раз он трубу не бросил наземь, а, садясь на коня, проронил:

– Жаль, через трубу внутрь щели не заглянуть.

3

– Что выездили? – Тревожным вопросом встретил их Полковник. – Из столицы лазута прибыла. Сюда обоз направляется. Где селить будем?

– Что Верша говорит? – Следом спросил Трубач.

– Верша еще и не собиралась. А лазута говорит, весь народ сюда идет. Надоело им «по зубам получать».

– Это понятно. – Сказал Следопыт. – Есть между нами и малаи поле большое. Там и надо новую столицу ставить.

– Не понял, где это? – Живо посмотрел ему в глаза полковник. – Не помню там большого поля.

– Как же? – Удивился Следопыт. – Прямо от озера и идет.

– Это справа что ли? За речкой Строгорой?

– Есть там речка. – Подтвердил Следопыт. – А названия ее не знаю.

– Тогда, знаю это место. Лучше не придумаешь. Только, боюсь, с малаи придется договариваться.

– За широкой топью малаи разместились. – Сообщил Следопыт.

– Так и порешаем. Вы не ответили, что выездили.

– Мы и сами не поняли. – Ответил Следопыт. – А где Страт?

– В ту сторону на коне ускакал. – Показал в сторону озера вестовой.

– Не доложив? – Рассердился Полковник, но Трубач справедливо возразил.

– Не на службе он еще. Говорил он нам что, но мы не поняли. Только довольным, мне кажется, он обратно ехал.

4

– Страт не вернулся? – С этого вопроса каждый день начиналось появление Полковника в штабе.

А на четвертый, или пятый день Трубач не выдержал:

– Если его возвращение так важно, могу и я за ним съездить.

– Можешь. – Полковник устало плюхнулся в подставленное кресло. – Но не сегодня. – И все уже представляли, как он «сотрет с лица паутину» и властным взглядом обведет штаб. Так оно и вышло.

– Я не знаю, что там придумал Страт, но в теперешнем положении нам врага не одолеть. Без пушек делать нечего, а дружины ….

– Государевы Дружины сюда не придут. – Раздался из полумрака штата малознакомый усталый голос.

– Кто там? – Полковник тщетно пытался всмотреться в полумрак.

– Смуляр, вестовой Главной Дружины. – И вестовой выступил из мрака. – Дружинам приказано прикрывать столичный обоз.

– А разве обоз не сюда направляется? – Усомнился Трубач.

– Нет, все решили прежнюю столицу поднимать.

– Ага, ждут вас там с распростертыми руками, Да и у неев туда дорожка накатана. – Сгоряча лупанул кулаком по столу писарь Отан.

– Ждут – не ждут, – моего слова не послушались. …. – В сердцах выругался Смуляр. – А вам велено врага на себя отвлечь. Государев Указ я в Вершу отнес. А оттуда меня к вам отправили.

– Где Указ? – Протянул руку Полковник.

– Ды-к, в Верше остался.

3.Горячка

1

– Что будем делать? – Полковнику первому надоело горестное молчание.

– Нам же прямо указано: выйти к ущелью, – и отвлекать врага на себя. – Непочтительно огрызнулся Трубач.

– А если из засады их? – Молодой – он и есть молодой: не понял пока сотник, с кем дело будет иметь.

– Дельно придумано. – Сказал писарь, – и по тону непонятно было: поддержал он сотника, или нет. – Давай считать. В твоей сотне – полста будет, у Трубача – двести наберется. У ….

– Хватит. – Оборвал его Полковник. – Указ ….

– Об Указе и говорим. – Не унимался Отан. – У меня на учете – тысяча пятьсот три человека. А у татлатов пушек столько же, если не больше. – Писарь в Полку – не только писарь, – это тебе не в Верше. В Полку «безголовых» не держат, – не в обиду Полковнику сказано, нередко

писарь – самое важное место в нем, хоть и пишется с маленькой буквы. – А у нас стены дрожат, если Лун от нюхательного табака чихает.

Дружно отсмеялись, а прав, однако, Отан.

Промолчал, на сей раз, и Трубач. А Следопыту совсем неуютно стало в штабе. Он и прежде-то нечастым гостем здесь был, а теперь совсем места себе не находил. Не в буквальном смысле, разумеется. Не видывал он еще татлатов, – и нечего раньше времени …. Времени чего? Вольная он птица. Ни семьи у него, ни ….

Это точно. Семьи-то у него, помнится, и не было. Чужими, что греха таить, не были, а душа-в душу, так чтобы тоской и болью исходить, не жили. Оно и теперь так. Не получилось у него разузнать у жены про Страта-Строгора, – ушла она к своим малаи.

Если что с ним и случится, некому будет оплакивать его тело. Но, если подумать, то все в штабе такие: больше сотням своим отцы, нежели домашним чадам.

– Я свою сотню дичью не выставлю.

Полковник, так и не познав настроение в штабе, пошел, было, к себе, да так и остановился, обомлев. От кого-от кого, но услышать такое от Трубача?!

– Верно ли я услышал?

– Верно, коль услышал. – Трубач не стал скрываться, – вышел на середину. – Резона не вижу. Прав Отан: ничто мы против той силищи.

– Зайди-ка ко мне. – Растерянно кивнул головой Полковник.

– Зайду. Но сотню свою на бесцельную гибель не поведу. В острог сажай, а иначе сам сотню распущу. И не только распущу, а прикажу, чтобы семьи свои спасали.

Еще больше растерялся Полковник.

– Кто еще так думает? – Охрипшим голосом спросил он.

Мог бы и не спрашивать, коли и сам упорно загонял в глубины свою подобную мысль.

– Что Верша мыслит? – Такое ощущение, что не только складской это спросил.

– Вся Верша с семьями на пороги подалась. – Сообщил от порога сотник Сур. Ему верить – себе дороже, но Полковник и сам видел, как направляются в ту сторону богатые возки, да и газовые паровые коляски тоже.

– Вершак тоже? – Послышался чей-то вопрос из угла.

– Вершак еще в городе, а его семья уехала, но не на пороги. – Ответил Сур.

А Вершак – легок на помине.

– Почему не на позициях?

После яркого света улицы в полумраке штаба он тщетно щурил глаза.

– Где полковник? А, ты здесь? Я спрашиваю, почему не на позициях? Почему сотники прохлаждаются в штабе?

– А и верно, почему? – Пошел к двери Трубач.

– Куда? – Метнулся к нему Полковник.

– Я разве не сказал? Повторить?

2

Однако, не выполнил Трубач своей угрозы. К вечеру все двести тринадцать человек пришли на Красные Раскопы. Но перед этим длинная вереница возков подалась в сторону озера.

Но еще раньше городская стража снова перешла на сторону Полка. А это подтверждало, что Вершак снова был отлучен от власти. Теперь окончательно. Ввиду грядущих событий.

***

А и Полковник не напрасно опасался.

Понимали, знать, власти столичные, что не будут они поняты. Время правления магов давно закончилось. А, по сути, началось время смуты. Власть в столице менялась так быстро, что и до немало значимых городов имя нового Государя доходило уже тогда, когда в столице мог быть, скажем, уже и третий дальше по счету. А посему новый Государь предусмотрительно послал впереди обоза вторую Дружину. И надо же такому случиться, что верховодил ею кровный родич Вершака.

Оно и понятно, что дело чуть, было, до кровопролития не дошло.

Вторая Дружина и прежде по численности невелика была, а по ходу отступления таяла прямо на глазах.

В штабе, понятное дело, снова вопрос: «Что делать будем?» повис.

Оно и понятно: Государев Указ не выполнен, да и смуту учинили. Трубача и Следопыта, на сей момент, в штабе не было, так что дело к аресту Полковника шло.

Не дошло до Краста пришлого, с кем дело имеет, – гоголем по штабу заходил, – на писаря пальцем тычет:

– Тебе полком командовать.

Ну, и скомандовал писарь:

– Много времени Господа Столичные я вам дать не могу, – время суровое. Забирайте побыстрее Вершака бесправного, и из города – вон.

– Как это? – Вздыбился Краст.

– Быстро, я полагаю. – Приосанился новый «полковник». – А иначе, если поднимется полк, много напрасной крови прольется.

Не ведал Краст, что полк поднялся уже, – и больше половины Дружины на его сторону переметнулись.

Неведомо, как новому Государю доложено было, но напрасно сотни новой «смены власти» ожидали, – основной обоз пошел. Вместе с Дружинами.

Глава четвертая

Отчаянье

1. Жуткие сны

До самой лаборатории Страту никто не встретился. И это не могло не насторожить. Неужели малаи, загодя предвидя грядущие перемены, ушли в другое место?

Но отец находился в лаборатории, хотя и это не показатель.

– Где все люди? – Первым делом спросил Страт, обнимая отца. – Я не встретил почему-то ни одного человека.

– Не знаю. Я не выходил из лаборатории дней десять, наверное.

– Дней десять? – Но, очевидно, этому не приходится удивляться. – А остальные?

Страт помнил, что в лаборатории всегда было тесновато от людей, – для ее размеров, понятно.

– Чистая наука сейчас никому не нужна. – С обидой ответил отец. – Всех призвали на подготовку к войне.

– Пушки льют? – Догадался Страт.

– Если бы? – Махнул рукой отец. – Учатся владеть всеми видами оружия.

– У них – пушки. – Сообщил Страт.

– Все это знают, но у нас не хватит сил отлить необходимое количество пушек.

– Против пушек с луками? – Удивился Страт.

– Кое-кто считает, что с пушками к нам не добраться, а луки, сам видел, – не такое и слабое оружие.

– У них носимые пушки. – Страт уже начал предполагать, что и отец недооценивает опасность.

Так оно и выходит: отец продолжил:

– Они слишком неповоротливы, эти носимые пушки. Особенно в лесу, или в горах. А ты-то неспроста, полагаю, здесь оказался?

– Неспроста. – Смущенно признался Страт. Пришлось ему и про сон рассказать, и про расщелину в ущелье, и про то, что кузнецом работает. И про многое другое. Только про Верику – ни слова, хотя и рвалась боль наружу.

А ночью ему тот же сон приснился. Или почти тот же, – в этом еще девица та была.

Кричала ему, что и не такая она и убийца по сравнению со Стратом, готовящимся загубить тысячи безвинных душ, несущих этому миру прогресс и процветание. Не понял он ни того, ни другого слова, – и потому проснулся среди ночи с нестерпимой болью в голове. И больше уже не мог ни спать, ни работать. И только руки как бы молот сами искали.

Он прошелся несколько раз по лаборатории, и каждый раз глаз цеплялся за знакомый предмет, но голова была забита совсем не тем. И добротно селилось в душе ощущение, что не сможет он отвязаться от той девицы.

Тревожно заворочался в углу отец, – и Страт поспешно вышел наружу. Звезды, бесспорно, давали некоторое успокоение, но он давно отвык быть без дела. Где-то в деревьях уныло завывал ветер, нагоняя и без того вольготно чувствующую себя тоску.

И все же он прогулял довольно долго. Только, когда продрог до мозга костей, он вернулся в лабораторию.

И сразу же бросился в глаза… меч. Он висел на прежнем месте.

Но тогда, какой же меч он бросил в Черпак? Черпак?

Тут же нахлынули воспоминания о коротких обрывках нечаянно подслушанных фраз из разговоров Марика и Следопыта.

Наверное, надо было выстояться тем знаниям, чтобы сейчас оформиться в неожиданное открытие.

Сын Следопыта утонул в Черпаке, а через несколько дней Страта нашли в другом месте. Нет, так не бывает. И все же …. И все же Страт всегда знал про озеро Силы Черпак. А, когда он увидел то озеро впервые, то мог бы с закрытыми глазами показать, где и какой находится камень, ибо… грелся он на них в детстве после купания в Черпаке.

А меч? Конечно же, не Лаки его сюда перенесла. Значит, там был другой меч. А этот?

Этот всегда висел на этом самом месте. Вечно запыленный, поскольку к нему всегда боялись подходить, оправдываясь тем, что меч бьет их молниями.

Страт был уже не так и молод, чтобы верить в разные россказни молодых ученых.

Разумеется, меч не ударил его молнией. Страт любовно удалил всю, скопившуюся годами, пыль. Таких мечей он прежде не видывал: вся поверхность клинка была покрыта вязью замысловатого рисунка. А рукоять ….

На рукояти, была щербинка. Точно такая же, как и на том мече.

Страт метнулся к мечу, зацепился ногой за тонкую проволоку. Какая-то коробка с шумом упала на пол, и по полу с серебряным звоном рассыпались мелкие осколки стекла.

– Кто тут? – Встрепенулся отец, – и в его руке тускло вспыхнул кристаллик.

– А, это ты? – Отец зябко закутался в одеяло. – Что, не спится?

– Не спится. Опять тот же сон приснился. – Он снова не сообщил отцу ни о Верике, ни о той девице.

– Я не понял, что ты хочешь устроить. – Спросил отец, ставя на огонь чайник.

– Я и сам еще не совсем понял. Получается, я должен нанести по расщелине удар, который вызовет в океане землетрясение.

– С океана придет гигантская волна, уничтожая под собой все живое. – Продолжил отец. – Вероятно, ты запомнил сказки Матриката. Я тоже однажды прочел эту легенду.

– Так, такое было уже? – Удивился Страт, разом забыв про меч.

– Многое из легенд малаи когда-то случалось, но еще больше придумано, чтобы напугать врага прежде, чем он придет к нашему порогу. Нередко это удавалось.

– А волна?

– Я должен признаться, волна действительно была. И ее организовал мой прадед. Но для этого он поднял в небо кристалл, и потом сбросил его в море. Наши враги все погибли, но и нам пришлось улететь с той планеты. Там стало невозможно жить.

– Ты хочешь сказать, что и я ….

– Я такого не говорил. – Поспешил ответить отец. – Возможно, ты и прав. Какой отвар тебе приготовить? Как раньше?

– Не откажусь. Давно уже его не пробовал. В городе пьют совсем другие настои.

Весь остаток ночи они, молча, смаковали отвар. Но успокоенье покинуло Страта, когда солнце, отражаясь от меча, брызнуло по лаборатории всеми цветами радуги.

– Он когда здесь появился? – Спросил Страт, отставляя недопитую чашку.

– Кто? – Отец поднял удивленные глаза.

– Меч.

– Меч? Мне кажется, он всегда здесь висел, пока…

Отец запнулся: как сказать, что, возможно, меч и стал причиной исчезновения Страта?

– … пока не исчез вместе с тобой.

– А после исчезновения?

– Тоже не знаю. Дня через три, может быть, а, может быть, и больше. Когда Пес пригнал табун, меча здесь, точно, не было.

– А Лаки здесь не появлялась?

– Может быть, и была, но я ее не видел.

Страт подошел к мечу, и нежно провел по ажурной вязи клинка рукой.

– Ты осторожней с ним. – Опасливо предупредил отец. – Ногат хотел, как полагает Геликат, его тайно Псу передать. Один пепел от него остался.

– Но я уже не единожды брал его в руки.

– А ты помнишь, что ты сделал перед исчезновением?

– Не очень. – Признался Страт, не прекращая гладить меч.

– Ты воткнул этот меч в резонатор.

– Серьезно?

– Этого я не знаю. Но говорят, что ты решил мечом поправить резонатор. После этого стало так темно, что пальцев вытянутой руки не видно было. А, когда свет вернулся, … тебя здесь не было. Вместе с мечом ты исчез.

– И с резонатором?

– Резонатор под стол выбросило. Снова, что ли, собираешься попробовать? – Не на шутку перепугался отец.

– Пока нет.

– Пока?? Ты знаешь, что мать слегла после этого? Выброшу его в озеро. – Решительно поднялся отец.

– Я же пообещал, что пока нет. – Страт, наконец, оставил меч в покое, и рассмеялся легко и счастливо. – А он ведь из Черпака вернулся.

Магистр Дорат был настоящим ученым. Можно, сколько угодно, опровергать непонятное, но от этого – очевидное не станет невероятным. Прав Страт, меч сам вернулся в лабораторию.

Увы, решение никак не находилось, но тот сон возвращался не раз за ночь. Хорошо еще, что девица приснилась только дважды.

2.Противостояние

На два лагеря разделилась не только вторая дружина, но и сам обоз.

Место, указанное Следопытом понравилось многим, хотя леса было гораздо меньше, чем в окрестностях Шатакканда. И страх перед врагом пересилила усталость от бегства.

Однако не все решились ослушаться Государя, но и он не решился усмирять непокорные города.

Обоз продвигался мимо города три дня, – и все три дня Полковник не находил себе места. Но его так и не вызвали к Государю. Хоть этой-то напасти удалось миновать!

Зато, главная медленно, но приближалась. Невероятно, но татлаты не прошли еще и половины пути. С такой скоростью они и до зимы до Рогорта не доберутся. Оно, безусловно, неплохо, но не понятно. Все непонятно. Почему по дну ущелья все время идут, чем кормятся, зачем идут?

На последний-то вопрос ответ больше и надобен. Предположений – не счесть, – ответа не было. Незачем против Рогорта столько пушек тащить, и против малаи – незачем. Легкие они на подъем люди. А мест пустующих достаточно в государстве. Но татлаты же тащат. Упорно

тащат, словно разума лишены. Или и в самом деле так? Лазутчики сказывали, что их основная политика – разрушение ради разрушения. Понять это трудно, но можно. Трудней понять, что рядом с ними делают неи. Они-то по дорогам передвигаются, – могли бы и подсказать варварам, как и где лучше пушки перемещать. Оно и хорошо, что не подсказали. Или татлаты – себе на уме?

С ума можно сойти от постоянных раздумий. И если бы сотники не выручали, так бы оно и случилось. Сотники и полк в готовности держат, и городом управлять помогают.

Заслышав снаружи шум, Полковник посмотрел в окно.

Давненько, однако, Следопыта не видел, – дней десять, наверное. Этому тоже достается. Походные шатры только у немногих оказались. В полку их тоже не лишку нашлось. Следопыт уже и у малаи помощи просил. Обещали помочь, но холода – уже не за горами, – смогут ли все перезимовать?

Но встретил Полковник Следопыта прежним вопросом:

– Что про Страта слышно?

– Лично его не видел, но говорят, он в своей лаборатории. А что там делает, тем более не могу знать.

– Сюда-то с чем пожаловал?

– Много домов до холодов поставить не успеем. Малаи предложили длинные дома ставить. Но и на это много леса потребуется. За помощью приехал. Я уж, извини, сначала к сотникам заехал. Пообещали они помочь, – твоего согласия ждут.

– Можно было бы и не ждать. Знают ведь, что соглашусь. – Ответил Полковник, смахнув между тем «соринку из глаза». – Что еще нового?

– Малаи передали, что столичный обоз в Кратоне застрял, – там обустраиваться будут. Беда у них.

– У малаи?

– У столичных. Зерно все подпортили при переправах.

Плохая новость. Кратон совсем рядом, – значит, жди недобрых гостей. Только «своей» войны еще и не хватает?!

– А у тех, кто с тобой пошел?

– С зерном тоже неважнецки, но малаи обещали недорого продать. Главное, с домами успеть.

– Главное, чтобы татлаты не пришли. – Вздохнул Полковник.

– Это, конечно. – Следопыт выглянул в окно. – Сотники идут. Вчера лазутчики малаи ко мне заезжали. Говорят, разделяться варвары стали. С легкими пушками шибче пошли. А остальные на ласточкиной косе начали запруду ставить да плоты большие вязать, – видимо, вплавь решили идти.

– Ты когда-нибудь с хорошей новостью приедешь. – Легонько укорил Следопыта Полковник. – А с легкими пушками наверх поднялись?

– Пока нет, но погода на днях испортится, тогда и поднимутся они наверх. – И, предвидя вопрос, добавил. – Не могут татлаты на солнце долго находиться.

– А неи что?

– Разногласия у них с варварами возникли. В третью ночь назад неи от варваров ушли.

– Куда?

– Их можно со счетов снять. Жмерени свои рудники не уступят.

– Понял.

Открылась дверь, и в штаб начали шумно входить сотники.

3.Небо без звезд

1

Мужчины-малаи не умеют воевать, зато, они – искусные строители.

Недавно приезжал Следопыт. Уговаривать помочь переселенцам ему почти и не пришлось. Все полевые работы закончились, а с военными приготовлениями – и повременить можно.

Но тогда, хоть небо и в «заплатах было», но дожди были редки.

Страт, пусть и не осрамился пред здешними кузнецами, но свободной наковальни ему не нашлось. Да, он поначалу не слишком и настаивал.

Это, когда отчаянье его дошло до точки кипения, руки к молоту потянулись.

А отчаиваться было от чего.

Сон повторялся с прежним постоянством, – и Страт мог бы рассказать его пошагово, но наяву ничего не получалось. И резонанса, что до пропажи Страта добились, сейчас получать не удавалось. Страт уже и меч, втайне от отца, в резонатор совал. Все впустую.

А тут и дожди пошли, не переставая. И вместе с ними лазутчики принесли плохие вести. Варварам удалось перекрыть ущелье, – и, благодаря дождям, вода уже несколько дней заполняла ущелье. Правда, есть и добрая весть. Отряды варваров, выйдя на сотню Трубача, оказались бессильны: взрывной порошок намок, – и от пушек не стало никакого толка. Зато, лучницы-малаи, взойдя на Спящего Кумпа – неприступный кряж над Раскопами, – «играючи» выбивали варваров одного за другим. Да и сотня не могла себя посрамить. Уносить пушки и бочонки с порошком было уже некому.

И, все же, основные силы татлатов скоро устранят свою ошибку, – плоты были связаны за пределами образовавшегося водоема, – там, где был сухой лес. Но это только отсрочило наступление. Варвары уже догадались выкладывать из плотов настил, и уже по нему переносить освободившиеся плоты.

Может быть, прав Магистр Астр? Он приезжал в лабораторию вчера вечером, когда в бесконечной череде дождей образовалось «окно».

Магистр спокойно выслушал путаную речь расстроенного Страта, посмотрел на то, что юноша пытался сделать, и, уже уходя, предположил:

– Эти цилиндры – из «Небесной Колесницы Белого Волка». Не спорь, – это так. Сегодня ночью планета, наконец-то, входит в сектор влияния нашего созвездия – Созвездия Волка. Я, признаться, мало работал с кристаллами, но могу предположить, что у тебя все получится.

Страт проводил Магистра до паровой машины.

– Желаю тебе удачи. – Астр крепко пожал руку Страта, и слегка придержав ее в своей руке, другой своей рукой показал на «связку звезд». – Там наш дом.

Магистр уехал, а Страт еще долго смотрел, как все чаще созвездие то закрывается, то открывается, и, кажется, зовет к себе.

А в полночь снова зарядил дождь, и лил, не переставая, уже больше половины суток.

2

Марик нашел Трубача у Красных Раскопов.

– Что-нибудь с домом?

– Нет, с ним все в порядке, но я проявил вольность, и пустил в него многодетную семью.

– Извини, я сам хотел это предложить, но закрутился с делами. И тебе веселее, и люди пристроены. – Трубач ответил крепким рукопожатием. – Следопыт тоже поселил у себя две семьи. Так что, если захочешь, можешь еще кого-нибудь вселить. Сам-то как?

– Отдыхаю. – Несколько пренебрежительно ответил Марик. – Не до Мироустройства, говорят, сейчас.

– Это понятно. У меня в сотне тоже ученых хватает. Вон, гляди, порошок взрывной сушат. Опасное это дело, оказывается. Вчера одного на куски разорвало, но здесь хоть деньгу платят.

– Следопыта давно не видел? – Но слышалось: «О Страте ничего не известно?».

– Позавчера приезжал. Помощи просил, но Полковник приказал на месте оставаться. Про Страта сказывал. В лаборатории отца он, сочиняет что-то, оружие какое-то, говорят. Так, вот, и живем. Пропитания еще хватает? Если заканчиваться будет, – не стесняйся, говори, завсегда поможет.

Увы, заморосил дождь, и Марик поспешил к дому, – не близок путь, однако.

3

И снова во сны Страта пришла незнакомка. С угрозами-уговорами, смысл которых один: «Татлаты уйдут, если Страт подарит ей свою любовь. И только-то». Но каждый раз, когда он готов был уступить, девица исчезала.

А этой ночью она осталась.

– Завтра татлаты закончат переброску плотов. Еще день – на погрузку пушек. А дальше, извини, я не смогу их остановить. – Девица казалась совсем огорченной. – Но я поняла, что мне не нужна твоя выпрошенная любовь. Мне больно, но без твоей любви мне не хватит силы повернуть татлатов обратно.

Она осторожно тронула его руку:

– Эта Империя уже неспособна возродиться. Пусть все идет, как идет. Татлаты изменят этот мир к лучшему. Изменят, – и растворятся в этом мире. Так было всегда. Это бывает больно, но оно необходимо.

– Ты кто?

– Та, кто тебя любит. Та, которая, вопреки требованию времени, все же, попытается вернуть татлатов.

Во имя нашей любви я готова погибнуть.

Он поверил всему. Всему, кроме последней фразы.

– Нет! – Он зло оттолкнул ее руку.

И ….

Он готов был уже броситься на помощь, но, падая из раскрытого окна, девица с противным смехом падала в бездну.

И почему-то переливался цветами радуги меч.

Меч переливался всеми цветами радуги. Страт зажмурился, чтобы прогнать наваждение, но, когда он вновь открыл глаза, игра радуг продолжалась.

Страт подошел к мечу, несмело дотронулся пальцем до клинка, – и отдернул руку, – меч оказался горячим.

Боясь убить надежду, Страт оглянулся на генератор. Не резонатор, а генератор, – так его назвал Магистр Астр.

Страту сначала показалось, что и цилиндр светится, но убить надежду оказалось проще, чем зажечь. Страт уже недоверчиво подошел к цилиндру. Зачем рождать, чтобы тут же убить?

Цилиндр был «мертв», хоть небо, оказывается, полностью очистилось от туч. Все – впустую. И все изначально было ложным. Об этом надо было подумать раньше. Допустим, ему удалось бы запустить генератор, а как отсюда попасть в «иголочное ушко»?

«Этот мир должен измениться. Пусть все идет так, как идет», – так, кажется, сказала девица?

Этот мир должен измениться. Не эти ли слова сказал и Магистр Астр? Нет, он не так сказал. Планета входит в зону влияния нашего Созвездия. «Так ли это?», – больно кольнуло сомнение. Не сам ли Астр когда-то сказал, что кажущаяся близость звезд – всего лишь обман зрения, что межзвездный корабль, доставивший их сюда, разбит, а потому им остается только мечтать о возвращении на Родину. Сегодня и этого уже не остается. Очень скоро варвары изменят этот мир, вырвут с корнем все мечты и надежды. А детали от корабля употребят, чтобы окончательно сломить и то, и другое, и третье ….

Не бывать этому.

Страт, не осознавая, что делает, ринулся к мечу.

Меч все еще был горячим, но это не остановило Страта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.